

ТАТЬЯНА
КУЗОВЛЕВА

ТЕНЬ ЯБЛОНИ

ТАТЬЯНА КУЗОВЛЕВА

ТЕНЬ ЯБЛОНИ

ТАТЬЯНА
КУЗОВЛЕВА

ТЕНЬ ЯБЛОНИ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Кузовлева как бы на ощупь воспринимает окружающий мир, оттого ее стихи достоверны той достоверностью, когда кажется, что они сами по себе выросли, как вырастают цветы, трава. Эта естественность достигается глубокой правдивостью, свойственной поэтессе, органической искренностью.

С точным и конкретным восприятием земного у Татьяны Кузовлевой связано возвышенное восприятие мира. Земля и Небо неразрывны в ее стихах. Недаром она заявляет:

И вновь кружу бессонно по земле.
Тень яблони сопряжена со мною.
И нам, как птицам об одном крыле,
Не разлучиться никогда с землею.

Когда-то Гёте учил: не говори, пой, пусть дыханием будет твое стихотворение. Татьяна Кузовлева следует этому завету великого поэта. В ее стихах нет ничего надуманного, потому так легко они читаются, оставляя в душе след, заставляя к ним возвращаться вновь и вновь.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

К $\frac{70402-139}{078(02)-79}$ 185—79. 4700000000

СКВОЗЬ СНЕГ

Сквозь снег...
Но снег идет сплошной стеной.
Сквозь снег...
Но снег разъединяет лица.
Сквозь снег...
Но снег стоит передо мной,
И я пред ним должна остановиться.

Сквозь снег
Твоих зрачков не разглядеть.
Сквозь снег
Движенья губ неразличимы.
Сквозь снег
Проходит жизнь, проходит смерть,
Единые, как женщина с мужчиной.

Я жизнь свою несу тебе
Сквозь снег.
Здесь до меня нехожены дороги.
Дышу сквозь снег.
Зову тебя сквозь снег.
Иду к тебе, покуда держат ноги.

Преследуемая из века в век
Летящих звезд стремительным каскадом,
Земля моя
Летит со мной сквозь снег
Под призрачным, под белым снегопадом.

Мы рождены, мы в мир пришли сквозь снег,
Его полет над Русью не наруша.
Метельны взгляды из-под узких век
И призрачны, метельны наши души.

Нам все искать, кого-то звать сквозь снег,
Загадкой слыть для тех, кто трезво судит.
Любить сквозь снег,
И уходить сквозь снег,
И знать, что снег последний вздох остудит.

И если чуда ждет твоя душа,
Я кликну чудо — ветер встрепенется,
Я кликну снег — и он сойдет спеша,
Я кликну Русь —
Твой голос отзовется...

* * *

Откинув крылатые тени
На резком весеннем ветру,
Толпились леса и растенья,
Вступая с лучами в игру.

Раскована, светловолоса,
По самые плечи гола,
Стояла меж ними береза
И с жадностью влагу пила.

Поило досыта едва ли
Глубинное это питье,
Но с каждым глотком оживали
Тончайшие ветви ее.

И что-то тревожно гудело
В сознанье, свободном от пут.
Светилось прозрачное тело —
Высокий и легкий сосуд.

Светилось весеннее небо,
Где облачный стыл завиток.
Не надо ни сна и ни хлеба —
Одной только влаги глоток.

Один только краткий, непрочный
Рывок над землею своей.
Мне жить невозможно без почвы,
А почве нельзя без корней.

Я чувствую — локоть о локоть —
Лесов белоствольный полет,

И эту мятежную легкость —
Мне так ее недостает!

И трогаю облако взглядом,
И кажется, лишь захотеть,
И я полетела бы рядом —
А все не умею взлететь.

* * *

Не отрекусь от городских камней,
Нам жизнь одна предписана судьбою.
Но оглянусь — и движутся ко мне
Веселый луг, и небо голубое,
И замершая птица в вышине.

Когда, одушевляя все вокруг
И к человеку чувствуя влеченье,
Со мной заговорит однажды луг, —
Сумею ли понять тех слов значенье?

Шагну вперед, но резко отлетит
До этого недвижимая птица,
И в близком небе криком растворится,
И надо мной крылом прошелестит.

И немоты не побороть.
Но все же
Как эта связь прозрачна и горька:
Вдыхаю небо — облако тревожу,
Реки касаюсь — падает река.

И потому звенит во мне струна,
И по земле душа затем лишь плачет,
Что ничего уж не переиначит:
В разлуке с небом — не ее вина.

Но унесет, что может унести,
Что в памяти передается детям:
Единство речи,
Родственность пути,
И то, что нас тревожит на рассвете —
Как лист тревожит тяжестью роса —
Родной земли родные голоса.

* * *

О, рожденье весеннего чуда:
Первый луч, первый лист, Первый Май!
Над землею проносит остуду
Белокрылого облака край.

Словно вдруг возвращается детство
В освещенность далекого дня,
Где звезды существует соседство
С легким шаром в руках у меня.

Этот праздник — особого рода,
Я живу в его жарком кольце:
Озаренье весны и свободы
На моем проступает лице.

Ощущение верной удачи
И предчувствие близкой любви...
Красным пламенем путь обознача,
Зарождается слово в крови.

Я несу его, первое, людям
И, поверив в бессмертие дня,
Заклинаю:
О, пусть оно будет,
Даже если не будет меня!

Пусть в нем слышится ветра скольженье,
Трепет пуха в скворчином крыле.
Пусть в нем дышится стихотворенью
Так же вольно,
Как майской земле.

* * *

Глухие кирпичные своды.
Цепочкой — окно над окном.
О, двор сорок пятого года —
Колодец с асфальтовым дном.

И сыростный выдох подвала,
И солнца горячечный взгляд,
Лежащий проекцией шалой
На камне —
Почти наугад.

И, дети военной эпохи,
Несли мы сквозь игры и сны
Дворов наших каменных вздохи
На всем протяженье войны.

Смотрели,
Бледны и серьезны,
С порогов в квадрат голубой.
Россия сквозь крупные звезды
Всходила над нашей судьбой.

Сквозь крупные звезды,
Сквозь слезы
И сквозь неосознанность бед
Нам виделся сладкий и грозный
Ее утешительный свет.

Средь праздников давних,
Средь бедствий
В квадратном колодце двора, —
Не просто приверженность к детству
И времени злая игра —

Нет, там к моему поколенью
Впервые, быть может, пришла
Пронзительность предощущенья
Любви, состраданья, тепла.

Впервые там вспыхнула жажда
Спасти, исцелить и унесть
Ту землю,
Что стала однажды,
А значит — пребудет и есть.

Ту землю, что нам остается
Таинственной мерой добра
В душе ли,
На дне ли колодца,
За тем ли пределом двора...

* * *

Синь, да снег, да сосны в небе,
Да на льду видны круги.
Мне бы только выпал жребий
Подержать в руках коньки.

Ах, да был ли этот лагерь,
Дом непрочный на юру?
Над катком цветные флаги
Замерзают на ветру.

А каток — лесное око,
Отразившее зенит,
И сорока в это око
С ветки пристально глядит.

Видит маленьких счастливцев,
У кого свои коньки.
Мне бы тоже с ними слиться, —
Как быстры и как легки!

Сказки, кони, сивки-бурки, —
Пар клубится возле морд!
И звенят, светлы и юрки,
Закругленные — «снегурки»,
Плоские — «английский спорт».

Мне и весело и жутко,
Я б и на одном коньке —
За девчонкой в рыжей куртке,
За мальчишкой в башлыке.

У меня бы тоже вышло,
Мне бы место здесь нашлось.
В легком сестрином пальтишке,

Продуваемом насквозь,
Я стою со всеми рядом,
Жесткой яви вопреки
К тем примериваясь взглядом,
У кого свои коньки.

И сливаются фигурки,
И летят во весь опор
Закругленные — «снегурки»,
Плоские — «английский спорт».

Синь да снег.
Да сосны в небе.
Искры
Светятся
На льду.
Как он манит, этот жребий!
Замерзаю.
Жду.

* * *

Внутри двора,
Где запад и восток
Попеременно озарялись алым, —
Нетерпеливый топот детских ног,
Известием взметенный небывалым.

Вот гул асфальта,
Крик издалека,
Вот сдавленные толпами ворота.
Вот щель нашли.
Вот уж снаружи кто-то.
Вот к толстым прутьям льнет к щеке щека.

Вот я тянусь на цыпочках среди
Ровесников. И локоть мой неловок.
И с любопытством:
«Что там, впереди?» —
Ищу просвет меж стриженых головок.

Там гонят немцев.
Там молчит кольцо
Садовое. Там тишина на лицах.
Там тянется сплошная вереница,
Единое усталое лицо.

Мышиный цвет обмоток и одежд,
И лиц, припорошенных знойной пылью.
Не звери ли?
Но люди проходили,
Отмеченные гибелью надежд.

Погасшие.
Колонне нет конца.

Уже стоять невмоготу в воротах.
Уже домой с Садового кольца
Зовут людей обычные заботы.

А дома, в предвечерней тишине,
Три разных чувства ожили во мне:
Сперва жестокость детская, пока
За камнем слепо тянется рука;
Потом к ней ликованье примешалось.
И вслед за ним открылась сердцу жалость:
В чужой стране,
Где шли еще бои, —
Там тоже были
Сверстники мои.

ИЗ ДЕТСТВА

В северной комнате старого дома
Зыбко ютится полночная мгла:
Полосы света скользят монотонно
По потолку — от угла до угла.

Дом наш стоит молчаливо и прямо,
Выпуклость площади видя в упор.
Длинные эркеры, длинные рамы,
Длинный, паркетный, сквозной коридор.

Детские слезы, обиды, потери
Ночью больнее, чем утром и днем,
Входит прощенье в стеклянные двери,
Комната полнится ласковым сном.

Светодыханье касается пола,
Клавиши бликов уходят к стене.
Вот и становится светоопорой
Старый сундук, где постелено мне.

Сняты давно уже синие шторы,
Залпы войны отгремели давно.
Выучен путь от подъезда до школы,
Светодвижение входит в окно.

Сколько ночей, озаренных и темных,
С этой поры проведу я без сна...
В северной комнате старого дома
Помнит ли светозвучанье стена?

Так же ли дверь по ночам серебрится,
Так же ли — память послушно влеку —
Светодыханье тревожит ресницы
Девочки, спящей на правом боку?

Ей и не вспомнить про синие шторы,
Ей никогда не приснится война.
Тихо вхожу я в ее светогород,
И расступается светостена.

На протяжении долгого взора
Рядом со мной, как в забытом кино,
Тянутся сна голубые озера, —
Вновь оживает ночное окно.

Полосы послевоенной замазки
Тускло желтеют на длинном стекле...
Без светонежности,
Без светоласки
Так ли уж просто прожить на земле?..

* * *

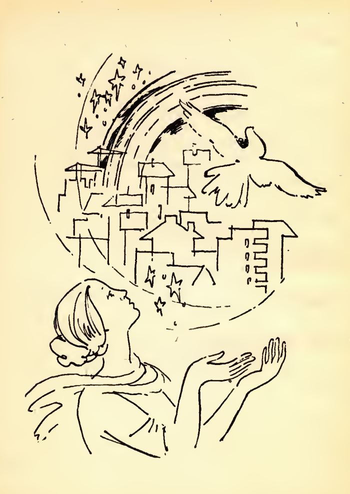
Грех слова ли, поступка ли безгрешность —
Все живо растворяется вокруг,
Когда восходит надо мною нежность
Любимых,
Добрых,
Мужественных рук.

Пред зовом поднебесья не сникая
И озаряя светом города,
Оскольчато сияет над снегами
Моя новорожденная звезда.

А завтра белый полдень будет снова.
Твой след по насту ляжет прям и строг.
В кольце забот,
В кольце свершений новых
Не позабудь однажды мой порог.

Чтобы с пути не сбила тьмы кромешность,
Я свет зажгу в заснеженном окне.

И нежность рук,
И полуфразы нежность
Да не минуют дом мой в тишине.

* * *

А юности уже не повториться:
Разжаты пальцы, и ладонь пуста,
И небом захлебнувшуюся птицу
Уносит по спирали высота.

И взмахи крыл легки и неизбежны,
Еще мгновенье — скроется из глаз...
Давным-давно доверчиво и нежно
Ты рук моих коснулась в первый раз.

И все сместилось от прикосновенья,
Благоговеньем обращался страх,
И начинало жить стихотворенье
В случайно недосказанных словах.

И алый пламень горячил мне тело,
И расступались ветры и века,
И птица впереди меня летела,
Распарывая грудью облака.

Был голос счастья радостным и
сильным,
А голос слез — невнятен и молящ;
И за спиной моей, подобно крыльям,
Горел на солнце золотистый плащ.

Прощай же!
Расстояние и время
Вбирают вечно длящийся полет.
Приходит час:
Любви ответной бремя
Сквозь испытанья женщину ведет.

Оставь лишь право видеть голубое
И белый след, как тонкую межу.
Я не кричу:
— Возьми меня с собою! —
И памятью полета не вяжу.

Ты таешь в небе, маленькая птица,
Минуя гул, одолевая тишь...

И все же дрогнут у меня ресницы,
Когда ты слишком близко пролетишь...

* * *

О предпраздничная суматоха!
Одержимые толпы людей.
Вновь меня поглощает эпоха
Каждодневною спешкой своей.

Я бегу, окликаю удачу,
По осеннему следу скольжу.
Чем дорогу свою я означу?
Что открою и что я скажу?

Обладающий жесткою властью,
День мне времени выдал в обрез.
Счастья нет — есть предчувствие счастья,
Как зарница у края небес.

И за нею, за этой зарницей,
Тем путем, что и древен и юн,
Я иду. И предпраздничность длится.
Предвкушенье. Предзимье. Канун.

* * *

Прогремит ли трамвай за окном,
Прокричит ли случайная птица,
Или дым к горизонту склонится,
Или стол озарится листом, —

Сколько нитей протянуто к нам,
Осязаемых, явных, звенящих,
В городах мы, в степях или в чащах,
По земле ли идем, по камням.

Где-то плачет ребенок в ночи.
Где-то дрогнула ветвь удивленно.
Где-то скользкие шарят лучи
По тревожному черному склону —

Мы причастны
Всегда ко всему.
Сострадая, приветствуя, веря,
Раскрываем мы двери в дому —
На восход обращенные двери.

Нас надежда ведет по земле.
Ветер времени скор и неистов.
Лист, забытый вчера на столе,
Будет набело весь переписан.

И опять удивит новизной
Мир, в котором не счесть наваждений, —
От твоих поцелуев весной
До осенних твоих отчуждений.

* * *

Москва возводит этажи.
Все приземленное — нелепо!
Стальными тросами свяжи
Груз, поднимающийся к небу.

О, как мне суть твою постичь?
Века сплетаются с веками.
Плита — к плите.
Кирпич — в кирпич.
И руки сведены с руками.

Москва, Москва,
Я дочь твоя,
Во мне твои века и камни.
Твой древний говор затая,
Роняю слог — и речь легка мне!

И уживаются во мне
Соседство терема с бетоном,
И алый флаг на том холме,
Где встал мой предок в веке оном.

Со лба откинувший шелом,
Отерший пот тыльцом ладони,
Он видел реку под холмом
И неба тихое бездонье.

Взлететь бы соколом с холма,
Задеть крылом волну речную...
Но тверд был жест —
И терема
Раздвинули страну лесную.

Веков крутые виражи
Раздвинули немое небо.
Лети, душа моя,
Спеши!
Все приземленное нелепо!

Верши прекрасные дела,
Пока любовь над миром властна,
Пока еще запас тепла
Не израсходован напрасно.

* * *

Суетою тяготясь подспудно,
Но лишь ею день-деньской дыша,
Улицей прямой и многолюдной
Я прошла сегодня не спеша.

Спохватилась, светофор минуя:
Шаг ли, бег — сама я не пойму.
Город обступал меня вплотную,
Подчиняя ритму своему.

Составлял причудливые схемы,
Лентой перфораторной шурша.
И любой из нас, и вместе все мы
Жили, как одна его душа.

Торопились — шаг сменялся бегом.
Весть, летя, опережала весть.
Мы теряли счет победам, бедам,
Забывали вовремя поесть.

Превращалась речь в скороговорку,
Заменялись жестами слова,
Раскупалась в сумерках «Вечерка»,
Во дворах толпились дерева.

Из театров рвался шум оваций,
Тормоза визжали на углу.
Мне бы чуть помедлить, отдышаться,
Стиснуть в пальцах времени стрелу,

Но остановиться не могу я...
В мире,

Где так быстро тает год,
Даже ночь,
Как юная бегунья,
Спит, колено выбросив вперед.

ЗИМА

То ли складками белого платья,
То ли белою прядью волос,
Ожила ты в морозном закате,
Промелькнула, скользя под откос.

Увлекла за собою метели —
Полусмехом, почти невсерьез!
Ах, как ели натужно скрипели,
Ах, как пели верхушки берез!

И сухою сияющей пылью
Упадали на землю снега.
Ах, зима, задержи свои крылья,
Надо мною помедли слегка.

Все дороги вокруг перепутай,
Юг и север смешай на ветрах,
Оплети сумасшедшей минутой:
Любопытство, сомнение, страх?..

За твоим леденеющим оком,
За звенящим зазывным смешком
Скоро сердце мое ненароком
Полетит невесомым снежком.

Пронесется сквозь небо слепое,
Сквозь деревья — не пасть, не задеть! —
Даже если обманной тропою
Мне дорога покажется впредь.

Даже если за далью земною —
Беспредельность, забвение, тьма.

Велика твоя власть надо мною,
Белый локон, сводящий с ума!

Я гоню тебя, лютую, злую,
Но сулящую столько надежд...
И спешу за тобой,
И ликую,
И шуршащие складки целую
Беспокойных, метельных одежд.

* * *

Земле отдаю земное,
И в борозду, где черно,
Кидаю зерно весною,
Единственное зерно.

Ему на свет прорезаться,
Увидев лишь тот из дней,
Когда оживут пространства
Под правой рукой моей.

И жизни его кипучей
Явиться из небытия
Поможет не луч,
Не случай —
Бессонная боль моя.

Беспомощен, мал и скуден,
Сквозь сердце мое пройдя,
Росток устремится к людям
Под гул земли и дождя.

Естественность выше магий.
Строкою росток пророс.
Зачем над листом бумаги
Молчу я, слепа от слез?

Не легкость и не усталость —
Безжалостный взмах руки.
В земной глубине осталась
Невысказанность строки.

Ее не одеть словами,
Пером не прижать к листу.

Спасибо, что хоть живая
Вплотную стоит к лицу.

Стоит, хоронясь от света.
Но сердце не обмануть:
В невысказанности этой
Строки и растенья суть.

* * *

Белый свет, любимого не засти —
Я его и так ведь не таю.
Чем платить за призрачное счастье,
На ладонь упавшее мою?

Чем платить за мартовские ночи?
Свет звезды становится короче,
Предрассветный ветер одинок.
И тускнеет, разное пророча,
Древняя развилка трех дорог.

Я шагну, не в силах ошибиться,
Лишь на ту, что родственна лучу.
Поднесу к любимому свечу —
Назову, узнаю, закричу,
Обомру, как раненая птица.
Только он узнает ли,
Решится?

Может быть, примета пригодится:
Родинка, припавшая к плечу.

О САРАТОВЕ

Старинный город по-над Волгой,
Особняки, особняки...
И вечерами ветер волглый
С щемящим привкусом тоски.

Свет, рано гаснущий в окошках,
И первозданный русский сон.
Вдруг — оголтелый визг гармошки
Из занавешенных окон.

Замедли, век, свое движенье,
Позволь — я дерзостной рукой
Сниму на краткое мгновенье
Мост над великою рекой,

Сниму, как будто бы с макетов,
Последних строек корпуса,
Асфальт и камень парапетов
И прочих новшеств чудеса.

И встанет город мой, как прежде,
Татароватый и шумной,
В разнообразнейшей одежде
И с семечною шелухой.

И звучен будет он сначала,
Пролетки полетят легки
От пристани и до вокзала
И от вокзала до реки.

Слегка развязные студенты
Под липы барышень сведут.
И шляпок розовые ленты
На шейках тоненьких сведут.

И закачаются плюмажи
Над тихой скорбью похорон,
И местный щеголь в экипаже
Мелькнет, задумчив и влюблен.

И дама с маленькой болонкой
Пройдет к почтамту, торопясь,
И жадно разберет в сторонке
Письма затейливую вязь.

Но снова вечер. И ни звука.
Все вымерло. Ушло в покой.
И только шелуха и скука.
И снова — скука с шелухой.

И кончится виденье так же,
Как началось. Исчезнут вмиг
Пролетки, барышни, плюмажи,
Исчезнет буква «ять» из книг.

И я останусь над причалом,
Над мягкой сыростью речной
Того грядущего началом,
Что скрыто в темноте ночной,

Что плещется у парапета.
Что изменить не так легко,
Как естество,
Как суть предмета,
Как пищу: хлеб и молоко.

* * *

О строка, я тебя не неволю
Быть земною иль в небе парить,
Только пусть неоглядное поле
Обовьет твоя хрупкая нить.

Только пусть в неизведанность леса
Ты уйдешь продолженьем тропы,
Раздвигая внезапно завесу
Над слияньем земли и судьбы.

И тогда словно сон позабытый
Захлестнет неизбежностью вдруг:
Вот последнею чащею скрытый
Притомился некошеный луг.

Луг надежды, укрытый до срока,
Луг удачи, любви и труда.
Ах, неблизкая пала дорога —
Я иду к нему через года.

А всего только шаг, только малый,
Только ветви убрать от лица.
Что же руки повисли устало,
Что же муке не видно конца?

Шла — надеялась, знала, горела,
Не боялась ни тьмы, ни дождя.
Разуверилась ли, оробела,
Заповедной тропинкой пройдя?

Все песла я предчувствие луга,
Все жила я надеждой:
А вдруг

Воедино сплетутся упруго
И строка, и тропа через луг.

Так откуда же,
Оцепененье,
Твоя тяжесть очнулась во мне?
Иль неведенье слаще прозренья,
Что шагнуть не могу по земле?

И твержу я, рассудку не веря:
Может, в этом и есть благодать,
Чтоб открытье принять за потерю,
А потерю открытьем назвать?

ТЕНЬ ЯБЛОНИ

Тень яблони скользила по земле,
Уставшей от полуденного зноя.
И, словно птица об одном крыле,
Она проститься не могла с землею.

Тень яблони плыла вокруг ствола,
Как бы вокруг земной оси вращалась.
Земля под тенью яблони жила,
И потому земле легко дышалось.

Неотвратимо тек тягучий жар,
Меды сочились, отягчая сотцы.
Как под трубою стеклодува шар,
Висело в небе огненное солнце.

Летели низко грузные шмели
К беспомощно разомкнутым соцветьям,
И сухо шелестели ковыли,
И спал в овраге разомлевший ветер.

Тень яблони меня к себе звала:
— Живи, — учила, —
Уходи от зноя.
В ночи, присев у краешка стола,
Припомни, чем жила порой дневною.

Припомни круг забот и новостей.
Огонь плиты. Мытье полов в жилище.
Улыбку мужа. Озорство детей.
В духовке притомившуюся пищу.

Пробившийся сквозь хаос городской
Подруги голос в тесноте мембраны.

Прозрение, мелькнувшее строкой.
Машинки стук.
Пятно телеэкрана.

Припомни блеск промытого стекла.
Звезду над изголовьем — как награду.
Не этим ли ты счастлива была?
Чего еще тебе от жизни надо?..

...Тень яблони кружилась вновь и вновь
Вокруг ствола, как пламя вкруг лучины.
Так кружишься и ты, моя любовь,
С утра вокруг любимого мужчины.

Куда тебе от суетных затей,
От тайных слез, перехвативших горло?
Тень яблони,
Моя ли это тень
Свое крыло над миром распростерла?

Пугаюсь взгляда властных глаз твоих,
Твоей руки тяжелого покоя.
И потому, незримо для других
Сливаясь с тенью яблони на миг,
Ее прохладу чувствую щекою.

И вновь кружу бессонно по земле.
Тень яблони сопряжена со мною.
И нам, как птицам об одном крыле,
Не разлучиться никогда с землею.

* * *

Ты видишь — на весу
Качается хвоинка,
В заснеженном лесу —
Всего одна тропинка.

Ни в сторону ступить,
Ни резко обернуться,
Петляющая нить:
Двоим не разминуться.

Из ведьмина клубка —
Из шерсти ли, из вервия?
Вокруг — белы снега,
Вокруг — темны деревья.

К беде ли, от беды
Она в лесу плутала.
Мышиные ходы
Легко перетоптала.

И вот уж ввечеру
Пошла под гору прытко.
Пристала ко двору,
Скользнула за калитку.

Из темного окна
Мне виделось немного;
Но все еще она
Лежала у порога.

И, силясь превозмочь
Безлунную немилость,

Светила мне всю ночь
И предо мной светилась.

Шептала мне: «Живи
И сохрани в итоге
Единственность любви,
Единственность дороги».

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Бесснежно в декабре.
Дубовые стволы,
Омытые дождем,
И высоки, и строги.
И в позднем серебре,
Мутны и тяжелы,
Темнеют бочаги
По сторонам дороги.

И низок край небес,
Скользящий вдоль ветвей.
И слепо смотрят вдаль
Пустых домов глазницы.
И медленен полет
Над головой моей
Тяжелой и большой
Иссиня черной птицы.

Шаги мои звучат
Сквозь призрачную сень,
Сквозь вяжущий туман,
Растекшийся нелепо.
И этот зимний день,
Последний краткий день —
Как будто вниз ступень
Перед подъемом в небо.

Откликнись мне, декабрь!
Твой скуповатый свет
Не так уж сер и сир,
В нем слышно откровенье:
Солнцестоянье зим,
Солнцестоянье лет —
Спокойная пора
Раздумья и свершенья...

* * *

Так тихо падал снег с высот,
Скользя вдоль елей,
Как будто дни моих забот
Отшелестели.

Как будто смолкли навсегда
Мои печали.
Сквозь просеки, как сквозь года,
Смотрю в молчанье.

Смотрю — и, оживая вдруг,
Летят столетья
И оплетают все вокруг
Легчайшей сетью.

И на сырой еще покров,
Свежи и мелки,
Ложатся буквицы следов —
Играют белки.

Ложится клинопись стиха,
И сотней вспышек
В ней золотится шелуха
Еловых шишек.

И так душа моя нема
Пред днем и веком,
Как будто стала я сама
Летящим снегом.

И так торжественно бела
Зимы остуда,
Как будто вечно я была
И вечно буду...

* * *

Когда декабрь, устав от бега,
К сугробу тихо припадет,
Когда на сердце тяжесть снега
Обрушит серый небосвод,

Остынет белая страница,
Чернея, сузится окно.
И прокричит ночная птица,
Постой! —
Но не остановиться,
И горло льдом обожжено.

Беги —
Но краток путь по свету.
Обманчива его длина.
Чуть слышным выдохом согрета,
Полоска узкая рассвета
Качнется в прорези окна.

И все, что больно, что любимо,
Вернется на зовущий крик.
Так искра вспыхнет в толще дыма.
День краток.
Ночь неизмерима,
Твоя любовь — на век? на миг?

Твоей любовью декабрю
По-царски продлены светанья.
Все кончено, я говорю.
И в поздней горечи свиданья
Твоим дыханием горю.

* * *

Я вбираю в себя этот день,
Весь — от еле заметной поземки,
До пурги — до шальной амазонки,
На лету леденящей людей.

Я иду, принимая в плечо
Весь напор ветрового замаха.
У меня от бесстрашья и страха
Воздух рвется у рта горячо.

Опаленная скоростью крыл,
Словно на поединок с судьбою,
В этот день я вхожу за тобою —
Это ты мне его подарил!

Это ты, это ты, это ты —
Ты мне под ноги кинул поземку,
И, вглядевшись в лицо мое зорко,
Дал ему волевые черты.

Сообщил эту складку у рта,
Затаенную сдержанность речи,
Распрямил мои узкие плечи —
Посмотри: я легка и проста.

Я тобою была создана,
Ты вложил в меня нежность и муку.
Жизнь нужна моя — вытяни руку,
У тебя на ладони она.

* * *

Из тайны, из ветра, из облачной мглы
Рожденная стужей слепою,
Снежинка коснулась сосновой иглы —
Полет тяготеет к покою.

И вечно слияние неба с землей,
И разумом непостижимо:
Коль сердце пробито сосновой иглой,
Неужто оно еще живо?

Но высь надо мною гулка и светла,
И путь обещает отраду.
И снова соснового войска игла
Нацелена в грудь снегопаду.

И снова летящая с неба мишень
Не в силах замедлить паденья.
День прожит.
День начат.
Единственный день.
И нет у него продолженья.

Он так же направлен, как эта стрела,
С прожилкой горчащего сока.
Наверно, поэтому в сердце игла
Острее становится к сроку.

Наверно, поэтому, если лечу,
Прощанье, предчувствуя с небом
Я дань ежедневно полету плачу
Строкой, приземлением, хлебом.

* * *

Касается солнце земли,
Но все еще небо бездонно.
И годы летят удивленно,
Взирая на снежные склоны
И словно теряясь вдали.

Как будто творя колдовство,
Таинственно светятся сосны.
Их ветви тихи и морозны.
День близится к вечеру:
Поздно
Удерживать в небе его.

Но верю я в завтрашний день,
В дыханье январской погоды.
Как гулки метельные своды...
И годы — минувшие годы —
Длинна ваша зыбкая тень!

Я делаю шаг к волшебству,
На миг отрываясь от тени.
Но там, где бессмертно смятенье,
Которым дышу и живу,
Беспомощно слабнут колени:
Кого-то прощаю,
Жалею,
Кого-то на помощь зову...

* * *

Над морем летят облака,
Томительно в небе сгорая.
Январь —
Но ни стужи пока,
Ни вьюги от края до края.

Я думала:
Выйдут снега,
В них след твой отчетливо ляжет.
Дорога, бела и долга,
Мне всю твою душу расскажет.

Нечистая сила и ложь —
Все будет зачеркнуто вьюгой:
Поземки изогнутый нож
Белесо блеснет над разлукой,

Сугробов крутые валы
Сияние снега умножат.
И дали затихнут, светлы,
И день будет счастливо прожит.

Твой голос — кори, не кори, —
То звонче услышу, то глуше.
Предчувствие вьюги в крови
Роднит наши зыбкие души.

И я до конца сберегу
Всей памятью ока и окон
Отчетливый след на снегу —
Как ясен,
Как тверд,
Как глубок он!

Под соснами,
В гулком краю,
Пропитанном влагой и хвоей,
Я кликну удачу свою
И слепо уйду за тобою.

СНЕЖИНКА

Ты пронеслась — и воздух ожил,
И вьюгой обернулся снег.
Как хрупок, чист, неосторожен
Твой с высоты — ко мне — побег.

А я ждала тебя, я знала,
Что ты найдешь мое лицо,
Что нас давно уже связало
Зимы слепящее кольцо.

Да будет жар щеки отмечен
Твоим тончайшим острием,
Да будет жить — восьмиконечен —
Твой отсвет на лице моем.

Твоим предчувствием томима,
О, я хранила столько лет
Тот влажный, еле ощутимый,
Спасительно-прохладный след.

И я с высот к тебе летела,
Ранимость путая с бедой,
И мне хотелось вьюгой белой
Взметнуться за ночной звездой.

Как пелось мне, как мне смеялось:
Ошеломительно светла,
Судьбы нечаянная шалость
Меня по свету погнала.

Лечу!
Я знаю легкость эту,
Неизлечимую, как страсть.

И до сих пор несу по свету
Крыла серебряную масть.

И все ищу свою планету:
Коснуться,
Выдохнуть,
Упасть...

* * *

Ветер западный, ветер сырой,
Воздух, пахнущий волглой корой,
Снег, осевший и тяжеловатый.
И стремительно издалека
Многослойно бегут облака,
На восход торопясь от заката.

Стала оттепель — и среди дня
Разморозилась наша лыжня,
Предвещая весенние сроки.
В сотый раз повторяю тот путь,
Где ты шел, не желая свернуть
От ведущей все круче дороги.

И опять, совершая подъем,
Я дыханьем владею с трудом,
Напряжение чувствуя в теле.
Но все кажется, что впереди
Ты мне жестко бросаешь: иди!
Что за труд — этот путь, в самом деле?

Мне бы лишь от тебя не отстать.
Я скольжу, задыхаясь опять.
Я не видела круче подъема.
Сколько раз то молчаньем, то вслух
Ты будил во мне дремлющий дух,
В небеса увлекая от дома.

Но мне страшно, что близится час
Перевала, где ветры, вихрясь,
Не в лицо будут дуть мне, а в спину,
Час, когда, убыстреньем прожжен,

Ляжет путь от зари под уклон,
И когда отдышусь и остыну.

Я не смерти боюсь — тишины,
Когда в путь этот вовлечены,
Когда ранены болью слепою,
Будут годы бессонно длинны,
Будут годы с избытком полны
Одиночеством, а не тобою.

* * *

Кто ты? Что ты?
С твоею душою
Всякий раз я веду разговор.
Словно озеро вижу большое
Посреди сопредельных озер.

Подойду к нему чуть виновато,
В непроглядную глубь загляну.
Там лежат дорогие утраты,
Словно черные камни по дну.

Но когда неподвижные воды
Пробивают нечаянный свет —
Озаренье, смятенье, свобода
Отзываются робко в ответ.

Так, не веря в единственность встречи,
Но лица предо мной не гася,
Ты любовь принимаешь на плечи,
Потому что иначе нельзя.

И, смиряясь с планидой такою,
Ты живешь, об ином не скорбя.
Кто ты? Что ты?
Что будет с тобою,
Если случай окликнет тебя?

И когда ты очнешься, разбужен,
Я ли стану твоею судьбой
Или та,
Что поодаль, на суше
Затаенно следит за тобой?..

НЕ ВЕДАЮ О ТОМ...

Не ведаю о том, что будет впредь...
В распахнутые окна ветер свищет.
Подняться, добежать и умереть
Мне у порога твоего жилища.

Что это — отчужденность иль родство?
День этот стрелкой часовою скован.
Но ровно в полночь тает колдовство,
И страх меня охватывает снова.

Зачем же уходить мне суждено?
Кем суждено?
Какою высшей властью?
И разве все непоправимо, разве
Не я — твое раскрытое окно?

Уже в который раз — в последний раз! —
Я ухожу стремительно и горько,
Ладони положив себе на горло
И на тебя не поднимая глаз.

Я ухожу, подняв к дождю лицо,
Прошу его:
— Ответь, кто нас рассудит? —
И светится Садовое кольцо,
Как обручем, сжимая мой рассудок.
За мной не остается и следа,
Холодный дождь охватывает плечи.
Какое было утро и когда
Трезвей и мудреней, чем этот вечер?

Все на земле случается случайно,
Случайные прощания — и вот

Случайное безмолвное отчаянье
До моего парадного бредет.
Доколе длиться этому?
Постой!
Шестой этаж — он звонок, словно цоколь.
Дождей осенних серебристый цокот
Ночь напролет звенит над головой.

Ты спишь, упав на полночи лицом,
И дом твой потушил огни и замер.
Зелеными от полночи глазами
Смотрю я на Садовое кольцо.

* * *

Ах луна — словно шапка на воре! —
Так горит, что не выдержит взгляд!
В непротоптанном снеге у моря
Я тропу отыщу наугад.

Я пройду отрешенно и вольно
Вдоль зигзага, границы, черты,
Где застывшие снежные волны
Переходят в недвижность воды.

От огней, вознесенных подковой
Над подковой прибрежной земли,
От веселья, от звука и слова —
На огонь молчаливый вдали.

В нем, зовущем в ночную дорогу,
Тот же пульс, что в запястьях моих.
Я иду на любовь и тревогу
Через ночь, на огонь, напрямик.

Я иду, не вникая в причины
Притяженья к Земле и Луне.
Это ты, мой огонь, мой мужчина,
Обращаешься властно ко мне.

Я тебе посылаю навстречу
Свой дрожащий мерцающий свет:
Я жива.
Я люблю тебя вечно.
Пусть мне скажут, что вечности нет.

Между нами незряче и длинно
Луч протянут подобьем крыла.
Ты гори, мой огонь, мой мужчина,
Чтобы сбиться с пути не могла.

* * *

Останови часы, когда угодно.
Долга секунда — я пред ней в долгу.
В нее твой взгляд вмещается свободно —
Я выдержать секунду не могу.

Я отвожу свои глаза поспешно,
Не доверяясь тайным голосам.
Но знаю, что, наверно, неизбежно,
Неотвратимо встретиться глазам.

Останови часы, когда угодно.
Перед секундой, тихая, стою,
В нее твой взгляд вмещается свободно —
Я измеряю им судьбу свою.

Не помню ни огня, ни озаренья
В тех паузах, что прерывали жизнь.
Не говорю:
— Остановись, мгновенье...
Но говорю:
— Мгновенье, повторись!

* * *

Туманно лицо за вагонным стеклом.
Расплывчаты губы и взгляд равнодушен.
И лобной морщины тяжелый излом
Смягчен и разглажен, и вовсе нарушен.

Рождаются, гибнут, теснятся слова,
В стекло ударяется птица слепая.
Но только ли звуками память жива?
Я все понимаю.

И сквозь запотевшее это окно
В последний ли раз припадаю к тебе я?
Судьба или поезд — не все ли равно! —
Тебя отдаляют. Я стыну слабея.

О милый, ты чертишь слова, торопясь,
Белеющий палец к стеклу прижимая.
Но что мне рисунка поспешная вязь?
Я все понимаю.

И долог мой путь от вокзала домой.
И незащищенность пугает виною.
Как холодно в городе ранней зимой!
Как громко стучат поезда за спиною!

Как пусто, как тихо в бурлящей толпе!
И день — как потеря.
И я — как немая.
Все дни — без тебя, для тебя, о тебе...
Я все понимаю.

* * *

В. С.

Ты мне сказал: — Не бойся никого,
Пока я жив — с тобой беда не станется.
А я уйду — с тобой любовь останется.
Ты и тогда не бойся никого.

Когда-нибудь и я сгорю дотла.
Моя спина распрямлена любовью.
И полночь звезды стелет к изголовью.
И над тобой моя душа светла.

Который год ты не смыкаешь глаз.
Нас скорость лет качает на уклонах.
И детский лоб, горячий и смышленый,
В моих ладонях ищет твой приказ.

И потому неразделим наш груз,
И потому, не сгорбленная бытом,
Я недоступна сглазу и обидам,
Не я боюсь.
Я за тебя боюсь.

За сон твой, прерываемый звонком,
За взмах руки, за шаг неосторожный,
За этот взгляд, тяжелый и тревожный,
Над белым, над нетронутым листком.

За слово, пригвожденное к строке,
Из-под пера скользнувшее случайно.
За то, что так покорно и печально
Снежинка тает на твоей щеке.

О, этот вечный страх перед судьбой
И эти слезы над своей любовью —
Счастливой ли, несчастной ли, слепой ли —
Благословенной тем, что мы с тобой.

С тобой. С тобой. И в этот звездный час
На белом поле слитны наши тени,
И в дни,
Когда к труду зовет смятенье,
Одна судьба объединяет нас.

* * *

Сегодня с утра на пороге
Такой удивительный свет!
Я знаю, я знаю — к дороге
Любая из тысяч примет.

К тому же я знаю, я знаю,
Так твердо — никто не собьет! —
Что эта дорога ночная
Под утро к тебе приведет.

Метнется она, разрывая
Пространства глухое пятно,
Железная ли, грунтовая,
Лесная — не все ли равно?

Ведь главное — там, на вокзале,
В тягучей и пестрой толпе
Тебя угадаю глазами
И снова привыкну к тебе.

Не зря — ожиданьем несносен —
День в сумерках ранних тонул.
Не зря же мне слышался сосен
Нездешний, тревожащий гул.

И виделась пена прибоя,
Застывшая в северном льду,
И то, как вдоль моря с тобою
Летящей походкой иду.

И ветром пропитаны дольним
Несущейся хмари слои.

И я согреваю в ладонях
Холодные щеки твои.

И снова встает среди многих,
Суливших дорогу примет
Все тот же
Призывный, высокий,
Тобою ниспосланный свет.

СОКОЛЬНИКИ

Сокольники. Белы сугробы.
Лучом пронизана до дна,
Зимы студеная утроба
Дыханьем города полна.

Снега скрипят под каблуками,
И санками укатан путь,
И женский смех, чуть-чуть лукавый,
Зовет на просеку свернуть.

И старый вальс, и сумрак синий,
И звонкость взрезанного льда,
И снова — иней, иней, иней...
Зима в России — молода!

И грусть моя ей не помеха:
Того гляди, подстережет —
Озорновато, ради смеха
Снежком округлым обожжет.

И вспыхнет песней недопетой,
Подскажет сердцу, не таясь:
Между тобой и стужей этой —
Всеобновляющая связь.

Ведь не случайно ранний вечер
Так скоро клонится к земле.
И ожиданье нашей встречи
Еще мучительней во мгле.

Сокольники!
Как ненадежен
Ваш лед, расцвеченный огнем.

И взгляд чужой меня тревожит
Тем, что тебя ищу я в нем.

Ищу, когда же в нем, далеком,
Как трещинкой раздвинув лед,
Твоя улыбка ненароком
Вдруг мне навстречу промелькнет.

И я растерянно, смятенно,
Там, где вдвоем ходили мы,
Иду одна сквозь ветер темный,
И крутит вьюга веретена
Моей любви, моей зимы.

* * *

Прекрасно быть женщиной слабой,
Чтоб с твердой ладони мужской
Взлетать отрешенно и храбро
Над будничною суетой.

Прекрасно быть женщиной слабой:
Обиды почувствовав власть,
Наплакаться вволю хотя бы
И к той же ладони припасть.

Прекрасно быть женщиной нежной,
Когда, уводя от погонь,
Спасает тебя неизбежно
Все та же мужская ладонь.

Прекрасно быть женщиной нежной
И видеть во мгле голубой:
Ладонь та простерта безбрежно
Над полночью и над тобой.

А та, для которой нет сладу
С тоской одиночной опять, —
Да разве она не могла бы
И слабой и нежною стать?

Могла б и она — настоящей
И верной могла бы какой!..
Прекрасно быть слабой —
Дарящей
Всесилье ладони мужской.

* * *

Гаснет солнца оранжевый круг
За стеною нечастого леса.
И доносится издали звук —
Так железо стучит об железо.

И хоть город не виден почти,
Он к стволам подступает вплотную.
И трамвая стальные пути
Огибают площадку лесную.

И вздымается крана стрела
Над сияньем закатного слитка,
Где пропела, тонка и бела,
Самолетной инверсии нитка.

Но безмолвно уводит лыжня
В ту страну, где береза застыла,
Вопрошая: ты помнишь меня?
С прошлых стуж я тебя не забыла.

Да, я помню, я помню тебя.
Так же землю белили морозы.
И, платок кружевной теребя,
На отшибе прямилась береза.

Так же город гремел за спиной
Ликованьем бетона и стали.
Так же радости правили мной,
Так же беды меня миновали.

И закат догорал в тишине,
Все заботы дневные итожа,
Только прежде на этой лыжне
Ровно на год мы были моложе.

* * *

Эта мечта по-кошачьи
В душу мою забралась.
Как же сумею иначе
Я объяснить ее власть?

В полночи взглядом зеленым
Льнула к щекам горячо.
То принуждала к поклонам,
То распрямляла плечо.

Грела надеждою хлипкой,
Странной обидою жгла.
Дьявола смутной улыбкой
На искушенье звала.

Только сегодня очнулась
Я от дурмана ее,
Словно стряхнуло сутулость
Легкое тело мое.

Что со мной было, что сталось,
Разве затем я живу,
Чтобы слепая усталость
Правила мной наяву?

Разве сама я не знала
Жизни несложный сюжет:
Дней нам отмерено мало,
Скупо отпущено лет.

Не потому ли пристрастно
Время роняет слова:
— Только любовь не напрасна.
Только работа права.

* * *

Она любила его так сильно,
Что имя его превращала в стих.
И ничего для себя не просила,
А если просила — то для двоих.

Ему — звучанье трубы победной,
Ему — неотрывный взгляд вослед...
Любовь бывает только последней:
Шаг над бездной.
Нежность.
И свет.

РАЗЛУКА

То ли дразня меня, то ли губя,
Эта разлука случилась.
Как же могу я дышать без тебя?
Чем заслужила немилость?

Скользкий перрон, занесенный снежком,
Отсвет фонарный на лицах.
Мне бы пройти от вокзала пешком,
Чтобы в толпе раствориться.

Мне бы склониться, покорность терпя,
Веря и снам и подковам.
Как же могу я дышать без тебя?
С кем-то обмолвиться словом?

Зря ли так гневно кричат мне «не смей!»,
Только лишь трогаюсь с места,
Дочери нашей — твоей и моей —
Неуловимые жесты.

Зря ли, скользя по вечернему льду,
Двигаясь между прохожих,
Знаю: вовек среди них не найду
С нами хоть в чем-нибудь
Схожих.

Знаю, скорее бы ночь миновать,
Знаю — в том сердце порукой! —
Ночь отлетит, а на утро опять
Мне горевать над разлукой.

Знаю: свой путь в одиночку торя,
Дальше уйду ненамного.
Мне без тебя, как без поводыря,
Страшно шагнуть от порога.

* * *

Как поздно светает — как рано
Зимой начинается день!
Окна освещенная рама
Несет крестовидную тень.

Поземка сухим шелестеньем
Змеится вдоль каменных плит.
И тайным своим пробужденьем
День все еще в сумерках скрыт.

Неясны его очертанья,
Но слышу я, как в небеса
Взлетают метельною ранью
Людей и машин голоса.

Я чувствую твердость металла
И скрытую нежность камней,
И то, как дыханием талым
Касается небо ветвей.

Одна только мысль непрестанно
И гонит и мучит меня:
А вдруг я устану,
Отстану
От этого нового дня?

И поступь становится строже,
И воздух звенит надо мной.
Успею?
Дойду ли?
Продолжу?
Как поздно светает зимой!

* * *

Говорят, на море-окияне,
На далеком острове Буяне,
Там, где только морок и пустырь,
Есть горючий камень Алатырь.
Этот камень светится в ночи —
Веером горят его лучи.
Говорят, что в нем такая сила —
У него б я силу попросила,
Силу, чтобы присно и вовек
Счастлив был любимый человек.
Чтобы беззаботно и шутя
Вырастало малое дитя,
Чтобы всем, о ком ночами плачу,
Обрести желанную удачу
И творить привычную работу
На одном дыхании, в охоту.
Чтобы помнить, дни свои итожа:
В главном мы между собою схожи,
И одни взрастили нас края.
Только смерть у каждого своя.
Свой, горящий ночью и в тумане —
Алатырь на острове Буяне,
Жизнь своя. Любовь своя.
А с нею
Тихая, на свете все посмею,
Все смогу.
Что надобно еще?
Лишь ладонью тронь мое плечо.

* * *

Римме Казаковой.

Мне этот дом не чужой:
Нет в нем и тени гордыни.
Все, что держу за душой,
Здесь оставляю я ныне.

Только шагну из дверей,
Встану у рамы оконной —
Взглядами двух матерей
Я молода и спокойна.

Мне ли не сын тот юнец,
Приговоренный к дорогам,
Белый совенок, птенец,
С нигилистическим слогом?

Мне ль тот мужчина не брат:
Труженик, полубродяга,
Строящий жизнь наугад —
Словно от шага до шага?

Мне ли и ты не сестра?
Нет в нашей крови родного.
Разных оттенков игра
В каждом значении слова.

Вот пред тобою черта
До сумасбродства крутая.
В чем же твоя высота?
Грешница ты иль святая?

Обнажена до души.
(Как мне те слезы знакомы!)
Ты бы погибла в тиши —
Я бы устала от грома.

Сколько событий вместишь
В непродолжительность суток!
Как же ты ярко горишь —
Господи, я не могу так.

Все же вглядись, наша суть
Сестринской стянута болью.
Любишь ли? Не обессудь —
Что без любви наша доля?

Чем и строка горяча,
Если не вечной отрадой —
Жаром мужского плеча,
Болью любимого взгляда.

Все, что мое существо
Делит с тобою и с миром,
Все я беру у него —
Все мне даровано милым.

И потому говорю
(Разве и ты не такая?):
Только бы по январю
Шаг его пел не смолкая.

Только горел бы огонь,
Только летело бы слово,
Только б родная ладонь
Голову гладила снова.

* * *

И шаг оттого мой не скован,
Что, веря в удачу свою,
И взглядом,
И жестом,
И словом
Тебя заслоняю в бою.

Приемлю все беды и муки
Твоей беспощадной судьбы.
Не верь, что на вид эти руки
Беспомощны, хрупки, слабы.

И, счет открывая неделям,
Во имя продленья пути
Не поровну груз мы разделим —
Я гибче. Мне легче идти.
Я знаю, ранимее вдвое
Суровая с виду душа.
Живу не беспечной любовью —
Трудом и тобою дыша.

Владимир — губами одними
Сто раз повторяю на дню.
Храню твое властное имя,
У самого сердца храню.

Природному зову в угоду
Твой шаг охраняю любой,
И это дает мне свободу
Повсюду быть вровень с тобой.

* * *

Пора возвращаться из этой страны,
Где так нестерпимо закаты нежны,
Где в воздухе южные ветры слышны —
Ну, что же, пора.

Как весело было покой тот украсть,
Лесами и полем насытиться всласть,
И к белой березе, прощаясь, припасть, —
Ну, что же, пора.

Как быстро замкнулся намеченный круг,
Как будто любовь ускользнула из рук,
И время открытий на время разлук
Сменить нам пора.

Ветра отлетели, размыло следы,
И грач деловито пьет из борозды,
И вскинули руки к апрелю сады, —
Ну, что же, пора.

Пора возвращаться, пора отвыкать
Меж веток звезду по ночам окликать,
По имени каждое дерево звать, —
Ну, что же, пора.
...И все же я медлю — я жду до утра.
Прощанье. Как тягостна эта пора!

* * *

Запах тающего снега,
Запах хвои и коры,
Запах заячьего бега,
Запах солнечной игры.

Запах неба голубого,
Запах дальней стороны,
Запах цвета,
Запах слова —
Несказанный пир весны.

Здесь, далеко от столицы,
От кипящей толчеи,
Что за песни,
Что за лица,
Что за тихие ручьи!

Как черны они и полны,
Как уходят в глубину!
Облаков седые волны
Растекаются по дну.

А под ними в толще сонной,
В жажде влаги и тепла
Сеть корней переплетенных,
Потянувшись, ожила.

Ожила, гудя подспудно,
Наливаясь силой вновь.
Так, рассудку неподсудна,
Ожила во мне любовь.

Так береза без отсрочки
Ввысь гнала прохладный сок.
И подрагивали почки,
Вызревающие в срок.

* * *

Катилась марта середина,
День забывал про холода.
Тревожила и холодила
Слеза подтаявшего льда.

И звон неслыханный, безбрежный
Летел, летел во все края.
Скользил по веткам безмятежно,
Качался в клюве воробья.

И, синью напоив высоты,
Весна, упряма и смела,
Очерчивала круг полета
Литой упругостью крыла.

И открывалась беззаветно
Твоей любви, твоей судьбе,
И вербною пушистой веткой
Ложилась на ладонь тебе.

А жизнь взбухала и бродила,
К земле склонялась, как лоза,
Катилась марта середина.
И под ногой крошилась льдина.
И влагой полнились глаза.

* * *

Ах, в небе чистом и высоком
Слезой истает самолет.
Потом слеза прозрачным соком
По белому стволу стечет.

В ней мир с неровными углами
Наклонно дрогнет на заре.
И я возьму его губами
С шершавой трещины в коре.

* * *

Я не смею в сны твои проникнуть,
Их прикосновением губя.
Как войти в них, как тебя окликнуть,
Как от них мне заслонить тебя?

Из страны, где все на явь похоже,
Где порою не видать ни зги,
Жестче, неприкаяннее, строже
Слышатся знакомые шаги.

И такой, каким и мне неведом,
Ты идешь сквозь безграничность дня.
И проходит за тобою следом
Та, что непохожа на меня.

Мир встает тяжелыми углами, —
Длится недосказанности гнет,
Высказаться — словно сбросить камень:
Только эхо вскрикнет и умрет.

Все, чему положено случиться,
Все, что резко отгоняешь днем,
Каждой ночью
Снится,
Снится,
Снится,
Захлестнув непрошеным огнем.

А проснуться, как назад вернуться.
Утро. Отчуждение. Земля.
Может, где-то и соприкоснутся
Наших снов бескрайние поля.

Не узнать друг друга. Не окликнуть.
След невидим и невидим дождь.
Я не смею в сны твои проникнуть —
Вдруг сквозь них
Ты не со мной идешь...

* * *

Неказист, неприметен,
Лист ольховый дрожит на весу.

Дует северный ветер.
Дует северный ветер.
Дует северный ветер.
Ах, как стонут деревья в лесу!

Отрешенно, поспешно
Над землею летят облака,
Словно в мире нездешнем
Прорвалась ледяная река.

Катит белые гребни,
Ими скрыта внахлест синева.
Вдалеке за деревней
Синий лес проступает едва.

Знаю, в мире движенья,
В мире, где невозможен покой,
Нами правит стремленье
Горизонта коснуться рукой.

Где-то меж облаками
Ты уходишь стрелой в высоту.
И, тебя окликая,
Я твержу:
— Не остынь на лету!

Пред бедой замирая,
Я твержу и любя, и скорбя:
— Мне ни ада, ни рая
Не нужно одной без тебя!

Но на летней планете,
В открытом циклонам краю,
Дует северный ветер,
Дует северный ветер,
Дует северный ветер,
Остужающий душу твою.

* * *

Когда бы можно было взять с собой
То, что в моем окне живет, как в раме,
То чудо,
Что озвучено ветрами
В свистящей хвое или над волной.

Когда бы можно было увезти
Тяжелый гуд полуночного моря,
Надрывный скрип сосны на косогоре, —
Той, что стоит у ветра на пути.

Но как все это выживет вдали,
Не находя в моем дому простора,
И потеряв естественность опоры —
Что наши судьбы без родной земли?

Без говора, которому с утра
Еще сквозь сон готовы вторить дети,
Без двери той, единственной на свете,
Распахнутой в счастливое:
«Пора!»

Без нежности, заполонившей дом...
Как просто все,
Чем наши жизни полны:
Ветра, деревья, облака и волны —
Все то, что чудом
В жизни мы зовем.

ЧУЖОЕ СТОЛЕТЬЕ

В этом городе западном, гулком,
Островерхом, приморском, сыром,
Мы проходим кривым переулком
Там, где дом наползает на дом.

Где за каждою кованой дверью,
В непроглядной, глухой глубине
Неоконченный труд подмастерья,
Неостывший фонарь на стене.

Там, за дверью, мельканье платочка.
Там, которую ночь напролет
Подмастерью хозяйская дочка
До рассвета уснуть не дает.

Он до дела охочий да смелый —
Улыбнулась бы только судьба,
Только б Милда ладошкою белой
Остудила огонь его лба!

Станет мастером.
Что же мне грустно,
Словно я этой доле виной?
Станет Милда ворчливой и грузной,
Многодетной, скупою женой.

И ни трепет, ни вздох, ни объятье
Не разбудят степенных людей:
Сытный ужин, добротное платье,
Кружка пива да порка детей.

Трижды проклятый, трижды прощенный,
Век минует и будет забыт.

Переулком, неровно мощенным,
По утру катафалк прогремит.

Затеряются в средневековье
Цеховых мастеров имена.
Вспыхнет ветер нежданной любовью,
Встанет плотной стеной тишина.

И эмблема чужого столетья
Запечатает каменный свод.
Лишь в фонарном краснеющем свете
Предо мной чей-то профиль мелькнет...

* * *

Я вижу в случайном
Декабрьском дне:
Качается чайка
На стылой волне.

И ветер изменчив,
И дюны тверды.
Край неба помечен
Осколком звезды.

И так же случайна,
Как все в этом дне,
Случайная чайка
На зыбкой волне.

Случайность явлений —
И сквозь времена
Несут поколенья
Судьбы письмена.

Случайность рассвета.
Случайность имен.
Случайности этой
Не писан закон.

Но встреча свершилась —
И ей исполать
За случай, за милость,
За право страдать.

За дикую чайку.
За ветер слепой...
Я тоже случайно
Пошла за тобой...

* * *

Страна, где дерево росло,
Скрывая чуткое тепло
В молочности побега,

Где был и тонок и певуч
Проколотый травинкой луч,
Где свет белее снега, —

Там тень моя еще жива,
Там голос мой едва-едва
В лесу траву колышет.

Ах, той страны мне не найти,
Туда заказаны пути,
Та тень меня не слышит.

Но, разводя небес края,
Проходит девочка моя —
И замирает город!

Туда, где дерево росло,
Где было мне светлым-светло,
Где луч травой проколот.

И, путь мой сызнова верша,
Уносится ее душа,
Прозрачная, простая,

Туда, где ласточка, легка,
Крылом тревожит облака,
Над памятью взлетая.

* * *

Земля моя, скажи, какие сны
Тебя встревожить могут на рассвете?
Ты различаешь, посреди весны
Бегут сквозь солнце маленькие дети.

Еще загар не прикоснулся к ним,
Еще ступни нежны и розоваты,
Но вот, незащищенностью храним,
К ним ветер устремляется крылато.

И увлекает влажная трава,
Призывно холодящая колени.
И зреют в горле первые слова,
И по пятам летям косые тени.

И дали раскрываются светло,
И голоса и трепетны, и звонки,
И ласточкино теплое крыло
Вот-вот коснется каждой головенки.

О, этот зов таинственный «живи!»,
С рождения упавший к изголовью!
В нем, торжествуя, гибнут соловьи,
Захлебываясь собственной любовью.

В нем, замирая, луч летит к земле,
Вонзаясь в стебель, распрямленный дерзко.
В нем перышком, прилаженным к стреле,
Из века в век летит над миром детство.

Земля,
Да сохрани своих детей,
В ладонях добрых задержи мгновенье,
И ощути: нет ничего святей,
Чем их с тобою соприкосновенье.

БАЛЛАДА О СЧАСТЬЕ

Белый корабль плывет вдалеке,
Моря почти не сминая.
Девочка ищет янтарь на песке,
Только найдет ли —
Не знаю.

Чайки над кромкой песчаной летят —
Сильная, белая стая.
Падает ветер с высот наугад,
Серые волны листая.

Белый корабль проплывет вдалеке,
Тая в туманности мглистой.
Вдруг между водорослей
На песке
Камень блеснет золотистый.

Яркий!
Когда уж совсем не ждала,
Тело застыло в наклоне.
Счастье твое —
Золотая смола,
Камешек в детской ладони.

Щеки зажег удивительный жар.
С детством прощаясь однажды,
Не позабудь драгоценнейший дар
Поиска,
Трепета,
Жажды.

Верю, в награду на желтом песке —
Гладок, шершав или колок —

Вдруг прикоснется к замерзшей руке
Счастья янтарный осколок.

Как он, ненайденный, душу томил!
Найденный, сколько он может!
Горький, счастливый, возвышенный мир
В нем и звучит и тревожит.

Мир, рассекающий будничность дней,
Мир, переполненный дивом
Раковин, панцирей, гладких камней,
Щепок, прибитых приливом.

Вечно в глазах он пребудет твоих
Символом, сутью, приметой, —
Мир,
Заключенный в пронзительный миг,
Мир,
Растворивший и шепот и крик
В облачке легкого света.

* * *

Все то, что без усилий нам дано,
Все то, что стоит захотеть — и рядом,
Достойно ли оно оценено
Не только нашим словом или взглядом?

...Мне жаль тебя,
Высокий, черный пес:
Ты вместе с поводком своим изгрызенным
Игрушкой стал для девочки капризной:
Ей никого любить не довелось.

Ты был смешным, пока ты был щенком,
Пока забава ей не надоела
Поить тебя целебным молоком
И прикасаться к маленькому телу.

Водить тебя на тонком поводке,
Ловить в прохожих знаки восхищенья,
Твою покорность ощущать в руке,
Упрямство,
Любопытство,
Нетерпенье.

Но дань любви — ее не осрами
Ни скукою, ни льдом пренебреженья.
А без любви
Так тягостно общенье
С деревьями, с животными, с людьми!

Откуда охлаждения в крови?
Откуда в нас позор непостоянства?
И девочка стыдится нелюбви,
Которой дышит вкруг нее пространство.

Как быстро же ты ей наскучил, пес,
И как твой вздох прерывист возле миски!..
Не дай же бог
Когда-нибудь всерьез
Так пережить нам перемену в близких.

Страх за любовь — необъяснимый страх.
Какою б ни была любовь слепою —
Пусть доброта
Становится судьбою,
Пусть наши дети
Плачут о зверях!

* * *

О мое неуклюжее чадо,
Привлеченное сельским крыльцом!
Так играют щенки и волчата:
В снег с разбега и в небо лицом.

Только детям грохочущих улиц
Эта редкая радость дана.
Как деревья под гнетом согнулись,
Как синицы снуют у окна!

Как, готовые к ласке и драке,
Чуя зуд в пропотевших боках,
По-весеннему скачут собаки,
Утопая по брюхо в снегах.

Но дневные окончатся сроки,
Но изба потемнеет с угла,
Но крыло запоздавшей сороки
На мгновенье мелькнет у стекла.

И звезда затеряется в соснах,
И мороз пронося на весу,
Запоет остывающий воздух
В непроглядном высоком лесу.

И под песню неспешную эту,
Разметавшись при свете огня,
Разрумянена, полуодета,
Ты заснешь на плече у меня.

И, тебя отдавая постели
Из расслабленных тающих рук,

Я застыну: смирить ли метели,
Удержать ли беспечности круг?

И за дальностью лет сохранить ли
Тот огонь, что с младенчества нас
Наполняет восторгом открытья,
Озаряет свечением глаз?

Не померкнет ли в памяти взрослой,
В громкой жизни, где ты не со мной,
Этот мир, первозданный, морозный,
Населенный любовью земной?..

* * *

Детские волосы
Пахнут птичьими гнездами.
Нежностью пуха под ласточкиным крылом.
Свежей землею,
И лесом,
И солнечным воздухом,
Всею любовью и всем человечьим теплом.

Пальцы мои
Прядок коснулись встревоженно,
Замерли и растворились в их мягком плену:
Замерли кони, лунной травой стреножены,
Чуткими мордами трогающие луну.

Замерли кони тихой звезды около,
Все в ней едва намечено,
Робок свет.
Все бы тонуть мне
В этих послушных локонах,
Все бы щекою касаться далеких лет...

СТИХИ О ДОЧЕРИ

Темноголовая девочка Оля,
Сядь-ка со мной, посиди.
Слышишь, за речкой, за скошенным полем
В землю уходят дожди?

Шорох их так осторожен и светел,
Вслушайся в пенье стекла.
Разве могло так случиться на свете,
Чтоб я тебя не нашла?

Чтоб горевать мне о непоправимом,
Локти обрушив на стол,
Чтобы отец твой неузнанным мимо
Глаз моих тихих прошел,

Чтобы в плену многочисленных буден,
В жестком кольце суеты,
Нас с ним однажды какие-то люди
Разъединили в пути.

Но если б даже случилось такое —
Вырвалась злая метель, —
Голос твой — как над уснувшей рекою
Серебряная свирель.

Он прозвучал бы призывно и чисто,
Выбрав из тысячи — двух,
В ветре, когда этот ветер неистов
И к откровениям глух,

В звездах, летящих стремительно ночью
Сквозь мирозданье вперед,

В искре, которая дерево точит,
В сердце, которое ждет.

Так вот однажды на самом рассвете
Где-то у края земли
Нас окликают нечаянно дети
Эхом, дрожащим вдали.

Так не дано в вихре ветра и света
В счастье,
В недоле любой —
Ныне,
И присно,
И долгие лета
Нам разминуться с тобой.

АЛЕНУШКА

О, как природа своевольна
И как грустит ее мотив!
Стоят леса, как воеводы,
На лица шлемы опустив.
И, как сквозь строй, через леса
Проходит девочка, боса.
Ее коротенькое платьице
Под солнцем плавится и плавится.
А как зовут ее? Постой!
Чертеж тех букв совсем простой.
Он вычерчен на тропке хвойной
Коричневым по желтизне.
А что та девочка откроет —
Покуда неизвестно мне.
Но знаю, знаю, есть тропинка —
Ах, как узка она в лесу!
И расступаются травинки
И застывают на весу.
И, не вникая, не гадая
О сути этого пути,
Проходит девочка худая
С паролем простеньким:
— Пусти!
— Пусти! — и сосны расступаются.
— Пусти! — и горы раздвигаются.
— Пусти! — и вечно на пути
Слепое женское «пусти»!
О, эта тяга к песнопенью
И ощущение прыжка!
И нет земного притяженья,
И даль светла и высока.
И всходит солнце с мыса Дежнева,
У облаков горят края.

— Пусти... — Но, девочка моя,
Тебя давно никто не держит!
Иди! Срывай с ветвей забрала
И шишками стреляй в стволы.
Талантлива и своенравна
Аленушка моей земли.

Вот так сквозь все тысячелетья
Порыв неудержимо чист.

— Пусти! — ты разрываешь ветер,
И желудевый твой браслетик
По тонким косточкам стучит.

* * *

Зной выбивает слезы из зрачков.
И беркут над полынью кружит низко.
И слышится за тридевять веков:
— О, русская земля!
Ты слишком
близко.

Но расписные жаркие ковры
Мне по-кошачьи стелются под ноги.
Обычаи восточные стары,
И нравы целомудренны и строги.

В столетья те,
В глухие времена
Все так смешалось, все сплелось так тесно.
Я чувствую:
В крови моей слышна
Степей неумолкающая песня.

И потому в стакан из серебра
Вино струится золотистой рыбкой.
И потому,
Как прадед мой, хитра,
Я руку к сердцу подношу с улыбкой.

О время!
Не сотри, не обезличь
Все то, что в нас смешал Восток и Запад.
Ловлю тревожный половецкий клич,
Ловлю коней солоноватый запах...
Ночь кончится.
Меж легких облаков

Всплывет сиянье солнечного диска.
И все-таки —
За тридевять веков:
— О, русская земля!
Ты слишком
близко...

АЗИЯ

Лоб, полумесяцем меченный, —
Узеньким полукольцом.
Азия,
Спящая женщина
С чуть плутоватым лицом.

Что тебе грезится, мудрая,
Сквозь непроглядность ресниц?
Слышу за войлочной юртою
Ржанье твоих кобылиц.

Скользкой стрелою ужалена,
Выжжена пламенем смол.
Вот уж коленом прижал тебя
Краснобородый монгол.

Вот оно, племя батыево,
Яростно мчит на закат.
Помнишь ли, Азия, ты его?
Что ж твои губы молчат?

Где твои всадники быстрые?
Приподнимись, позови!
Залиты кровью и выстланы
Трупами земли твои.

Кажется, в ужасе кренится
Степь под пятой чужака.
Азия,
Азия,
Пленница,
Слабые всплески зрачка.

Но над веками и землями
В вечном движенье травы
Слышу меж тонкими стеблями
Пенье тугой тетивы.

И под серебряным стременем,
И под копытом коня —
Степь, неподвластная времени,
Дышит, потомков храня.

Дедами было завещано:
Местью карается зло.
Азия, спящая женщина,
Брошена через седло.

Но, ослепленный надеждою,
Если бы враг увидал
Прячущийся под одеждою
Холодноватый кинжал...

Лягут столетья ступенями —
Дальше подняться невмочь.
Краснобородого пленника
Скроет азийская ночь.

В прочих ночах раствориться ей,
Кануть в немом забытьи.
Азия, — широколицые,
Вот они дети твои.

В душах их, верно, отыщется
Мудрость твоя и сумбур.
Азия,
Поступь владычицы,
Властно-лукавый прищур...

СОН

Мне снилось: раскоса, желта,
Стою я у древней мечети.
Но где это было?
Когда?
В каком из сметенных столетий?

Шумит за спиною базар,
Волнуются жаркие кони.
И я прижимаю к глазам,
К губам прижимаю ладони.

Свирепое солнце палит.
Горласто кричат зазывалы.
А сердце сильнее болит,
Сильнее болит, чем бывало.

Ответь мне,
Безмолвный аллах:
Скуласт, кривоног, безобразен.
В каких он остался степях,
С коня повалившийся наземь?

Он был, словно кошка, хитер,
И зол, и коварен, и гибок,
Не верится мне до сих пор,
Что где-то нашла его гибель.

Все слышится топот коня
И голос его у дувала.
И мать одевает меня,
Как прежде сестру одевала.

Остры мне обводья колец.
Монет нестерпимы удары.

Но сорок семь тучных овец
Теснятся у нашей кошары.

И я отточила, смела,
Свой нож для полуночной мести.

Меня пред тобою, алла,
Склоняет благое известье,
Ты зов мой услышал в ночи...
Но где это,
С кем это было?
Когда это было?
Молчи!
Еще рукоять не остыла...

ПЕРЕВОД

Так входят
В чужую
Холодную воду,
Так вводят
Вслепую
Опоры под своды,
Как черные корни корчуют сквозь годы —
Вхожу в переводы.

Отныне
Немая хожу по безгласной пустыне.
И нет у меня своего языка.
Я — ваше творение,
Ваша тоска.

Листочек копирки,
Отчаянно черный,
А проще — я эхо
На звук отвлеченный.
Я буду смеяться.
Услышьте же в смехе
Свой голос, несущийся через помехи,
Я буду стараться:
Немые вбирают все звуки.
Я выражу то,
Что подскажут мне губы и руки.
Я слышу слова.
Я значения их осязаю.
Я только немая.

Я буду твердить
Непреложные истины, чтобы
Жить в мире

Чужого восторга,
Смятения, злобы,
Чтоб слоги чужие, как тайна,
Как клинопись кода,
Во мне преломлялись,
Как блики, упавшие в воду.
Во мне — переводы.
И значит,
За ваши слова,
Обращенные в краткие слоги,
Спасибо.
Бумаге, узнавшей
Пера утомленного погибь,
Спасибо.
Терпенью — в котором таится готовность к полету;
Полету — творящему между пером и бумагой
Работу;
Отчаянью — знаку, что правда действительно рядом;
Итогу — руки произвольному взмаху,
Иль вздоху, иль взгляду —
Спасибо.
Отныне и вечно
Да будет правдиво обличье.
Спасибо, творенье,
Что ты обрело двуязычье!
Перо выпускаю из рук.
Как истершийся трут.
Вторично рожденное,
Я принимаю твой суд.

НАД СТЕПЬЮ

О, полет на крыле у заката —
В новый день, в наступающий срок
Тускло светят открытые взгляду
Заостренные стрелы дорог.

Кто калил их бессонно и смело?
Чей размах поминала молва?
Кто послал эти звонкие стрелы?
Чья звенела им вслед тетива?

Над землей — нескончаемый ветер.
На земле же — спеши, не спеши —
Обнажаются тайны столетий,
Сохраняются тайны души.

Древней песни несущая эхо
В необъятном, в ковыльном краю,
О, казашка
Двадцатого века,
Да постигну ль я душу твою?

Как влечет тебя с детства дорога:
Над судьбой,
Над мечтой,
Над бедой
В слабом отблеске лунного рога
Промелькнуть в поднебесье звездой!

Так, чтоб слиться с мятущейся гривой,
И в горячем дыханье коня
Вдруг признать горьковатый, счастливый,
Терпкий привкус гудящего дня.

Да, мы обе ходили по кругу,
Но пред властным призывом строки,
Ты звенящую кольцами руку
От моей отрываешь руки.

И слежу я, не дрогнув и бровью,
Как в тиши открывается мне
Чуть приплюснутый ласковый профиль,
Обращенный в полете к луне.

ЧУЖАЯ ДУША

Одним с тобой небом дыша,
Пока еще только светает,
Бессонная чья-то душа
Тебя осторожно пытает.

Пытает, далеко ли путь,
Пытает, крепка ли опора,
И скоро ль тебе отдохнуть,
И счастье отыщется ль скоро?

Ты б, может быть, и позабыл
Тщеславия тоненький голос,
Сменил на дремоту свой пыл,
Обыденностью успокоясь.

И жил бы не хуже людей,
И был бы доволен судьбою,
И дух ежечасных идей
Не властвовал бы над тобою.

Но все твои планы круша,
Твой путь изменяя воочью,
Бессонная чья-то душа
Пытает тебя днем и ночью.

Ты более не одинок,
Ты должен пред нею признаться:
Пора подвести бы итог
Всему, в чем не мог разобраться.

Расставить акценты в судьбе
С рожденья, от точки отсчета:

Кому-то фортуна,
Тебе —
Работа,
Работа,
Работа...

АЛМА-АТИНСКИЙ СЕЛЬ

Меж склонов, где высятся ели,
Как будто в недальнем году,
Я путь побежденного селя
Взволнованным взглядом веду.

Здесь полностью, не вполовину,
Подвластная зову:
— Лети! —
Крушащая сила лавины
Готовилась город смести.

Припомню июль на мгновенье,
Пятнадцатое число:
Двух взорванных скал единенье
От гибели город спасло.

И сердце я слушаю чутко:
В его сокровенной тиши
Звучит поединок рассудка
С лукавым движеньем души.

Обманчивость жаркого лета.
Брожение тихих озер.
В случайных поступках приметы
Лавинного паданья с гор!

Бывает: последняя капля —
Смятенье, неверие, боль.
И вот уже руки ослабли
И не удержали любовь.

И не задержали каскада,
Способного судьбы смести.

Но где
Перемычки, преграды,
Что нас отрезвляют в пути?

Но что нам дает исцеленье
И что возвышает нас вновь:
Прощание или прощенье?
Прощение или любовь?

АЛМА-АТЕ

Когда к губам подступит немота,
Когда найти я не сумею слово —
Верни мне речь мою,
Алма-Ата,
Пусть в ночь мне,
Светозарна и чиста,
Откроется твоих огней подкова!

Любимого спасая от беды,
Открыв ему
Простор свой сокровенный,
Алма-Ата, храни его следы,
Храни его дыханье, город верный!

Благословляй тот незабвенный миг,
Когда любая ноша так легка мне.
Алма-Ата! На улицах твоих
Любовью дышат стершиеся камни.

И если бы настал горчайший срок,
И память навсегда твой голос стерла,
Твоей воды живительный глоток
Его вернул бы, обжигая горло.

И потому, когда спешит с утра
Строка сорваться с губ неуловимо,
Мне кажется,
Тобою я щедра,
Тобой сильна, тобой неуязвима.

И потому, когда рассвет к стеклу
Подкатит снова волнами косыми,

За все, чему я вечно быть велю, —
Пред дальними, пред добрыми и злыми,
Твое, Алма,
Произнесу я имя,
Твою строку,
Ата,
Благословлю!

КОНИ

Чуть прикрою глаза ладонью,
Отойду от дневных сует,
Вижу степь,
А над степью — кони,
Устремленные на рассвет.

Застывают в немом наклоне
Пробужденные стебли трав,
И летят, а не скачут кони,
Розоватый отсвет вобрав.

Мчат, пластаясь в пространстве звонком,
Воздух гривами шевеля,
И оранжевым жеребенком
Вслед за ними летит земля.

Целый мир вовлечен в движенье,
Это было и до меня:
Так летели любви мгновенья
На рассвет, на рожденье дня.

И в мгновениях тех звучали
Тишь признаний и гром молвы.
Где вы, кони моей печали?
Кони радости, где же вы?

Задержитесь! —
Тяну ладони.
И года мои оттесня,
На меня наплывают кони
И смыкаются вкруг меня.

Наплывают —
И мимо, мимо...
Но горит еще много дней
Дух полета неуловимый
На холодной щеке моей.

СОФИЯ

С. Мулдагалиевой

Соня, Сонечка,
София!
Где витает душа твоя?

В мире суетном,
В спешке дел
Незаметен он, твой удел,

Но теснятся в груди твоей
Пять миров
Пятерых детей.

Загляни им в глаза,
Восток:
Каждый строен, скуласт, высок —
Это жизнь,
Это суть твоя,
Соня, Сонечка,
София!

Но когда,
От забот устав,
Жадно ловишь ты
Шорох трав,
Но когда
Любимый с тобой
Каждой строчкой
И всей судьбой,
Но когда,
Почти наугад,

Робко чувствуешь чей-то взгляд —
Соня, Сонечка,
София,
Где витает душа твоя?

Может быть,
На исходе дня
Ты улыбкой найдешь меня.
Я во взгляде прочту твоем
То, что в нем
Заглушалось днем:
Тайный жест твой и тайный крик,
Тайну сложенных крыл твоих,
Тайну смеха и тайну слез, —
И сдержу
На губах вопрос:

Соня, Сонечка,
София,
Где витает душа твоя?..

ЯНВАРЬ В АЛМА-АТЕ

Январь вступил в Алма-Ату,
Сияя белыми снегами.
Звенели льдинки под ногами —
Как в Александровском саду.

Куда ты, улица, куда?
Прямая, как стрела из лука,
Зачем с доверием и мукой
Ложишься в выемку следа?

Нас ждет иная сторона,
Где эту гору сменит поле,
Где высь, любимая до боли,
Светла, доверчива, нежна.

Но здесь,
Но на клинке меча
У моего степного предка —
То ли заря, то ли свеча —
Веков неясная отметка.

Коней дыханье в тишине,
Стволов таинственная камедь.
И эта улица во мне —
Как древний код,
Как чья-то память.

Я впереди тебя иду,
Дорогу меряя слогами.
Январь вступил в Алма-Ату,
Сияя белыми снегами,

И все мне кажется: вот-вот
Меня над улицей, над ранью,
Над бездной неба вознесет
Твоя любовь, твое дыханье.

И не уйти от белизны,
От памяти не откреститься.
Узнай меня,
Степная птица:
Мы были рядом рождены!

ВЕРБЛЮЖОНОК

Все, что было намечено —
Сбудется
В быстром беге окликнутых лет.
Верблюжонок
От белой верблюдицы
Поутру появился на свет.

Что-то нежное в нем и печальное.
Я коснусь его губ в тишине
И почувствую: дрожью нечаянной
Тонкий нерв отзывается мне.

Верблюжонок
От белой верблюдицы...
На мгновенье прикрою глаза:
На мохнатых ресницах почудится
То ли звездочка, то ли слеза.

Мой беспомощный, слабый,
Мой маленький,
Азиатская степь велика.
Чуть темны, словно взяты окалиной,
У коней и верблюдов бока.

Взглядом беркута дали охвачены
От вершин до былинок внизу.
О, какою ценою заплачено
За твою, верблюжонок, слезу?

В мир пришедший под песню старинную,
Ты в напеве, рожденном кюйши,
Каждой клеточкой чуешь былинную,
Беспредельную веру души.

Веру в солнце, и в ветер, и в облако,
Веру в музыку тающих фраз...
Все, что предками нашими собрано,
Все незримо вмещается в нас.

Той звездой, что однажды почудится
В полуночном немом забытьи,
Тем детенышем белой верблюдицы,
Что уткнулся в ладони мои...

ДОМБРА

Пела женщина в доме моем,
Пряди черные падали низко.
И тревожило в пении том
Ощущение страсти и риска.

И светло золотилась домбра,
Формой древней, влекущей и лунной,
Повторяя округлость бедра
Той, которая трогала струны.

И сливались,
Чисты и мудры,
Откровенность признаний пророча,
Тело женщины — с телом домбры,
Голос женщины — с голосом ночи.

Пела степь у высокой стены,
В белокаменной, в благословенной,
В центре города,
В центре страны
И, наверное, в центре вселенной.

Пела степь —
И молчала Москва,
И плескались созвучий разводы.
И степного наречья слова
Ударялись в кирпичные своды.

И душа поднималась легко,
И на землю бессонно смотрела,
И в окне высоко-высоко
Долго за полночь лампа горела.

И до света,
Почти до утра
В тишине удивленной планеты
Пела женщина,
Пела домбра,
И мужчина молчал до рассвета.

ЖУРАВЛИ

Над степью актюбинской —
Лёт журавлей.
Как сладко скользить над простором
знакомым!

Я вижу,
Тот клин
Все острей и острей
В светлеющем небе над аэродромом.

Я вижу,
Как собран, как чуток вожак:
Вся жизнь его —
Лёт от восхода к закату.
На крыльях, как будто на узких ножах —
Трепещущий отсвет зари розоватой.

Вожак! Он вчера был по счету вторым,
А завтра, быть может, последним он станет.
Но нынче —
Он первый!
Уходит за ним,
За ним устремляется гибкая стая.

О, краткое счастье лететь впереди!
И первому чувствовать свежесть потока
И слышать, как падает сердце в груди
Ударами:
Небо,
Свобода,
Дорога!
Ударами:
Случай!

Единственный час!
Час взлета!
Час первенства!
Час звездопада!
И я за тобою лечу, покорясь
Однажды ко мне обращенному взгляду.

И в небе, где гаснет большая звезда,
Живу по законам твоим,
Журавлиным.
И знаю,
Отныне и присно,
Всегда
Все эти минуты, все дни, все года —
Вся жизнь
На тебе лишь и сходится клином!

* * *

Прости, что краду у тебя одиночество,
Что взгляд от стола поднимая слепой,
Когда никого уже видеть не хочется,
Ты все-таки видишь меня пред собой.

Прости, что, когда, тяготясь перегрузками,
Бросаешь шутливую реплику в тишь,
Смотрю я глазами внимательно-грустными
И вовсе не слышу, что ты говоришь.

Прости мне, что все эти дни, эти полночи,
Не веря по-прежнему в силы свои,
Ищу у тебя я и ласки, и помощи,
И даже — увы! — безраздельной любви.

Прости,
Что с лицом непрогляднее омута,
Теснящий плечами дверей косяки,
На цыпочках вдруг ты выходишь из комнаты,
Едва я услышу биенье строки.

Когда мы с тобою прощаемся вечером,
Прости, что с трудом я скрываю в груди
Такое глухое, такое извечное,
Такое надрывное: «Не уходи!»

Прости, что живу я предчувствием выдоха,
Едва лишь глаза наши встретятся вновь.
Прости, что не вижу из этого выхода.
Прости,
Если можно простить за любовь.

* * *

Все чаще пасмурно подолгу,
Все чаще, осенью дразня,
Твой взгляд, не повинуясь долгу,
Бежит старательно меня.

Он ищет нового движенья,
Еще внимателен и тих,
Иных печалей выраженья,
Страстей и радостей иных.

И, жадность дерзкую скрывая
В предчувствии
Того лица,
Уж он не вспыхнет, остывая, —
Он будет взглядом мудреца, —

Рассудочным, спокойным, вещим,
Мне дозволяющим:
Живи!
Но что еще в нем затрепещет
Без упоенья,
Без любви?

Что отзовется близкой болью
На боль неслышную мою,
Какой дышать ему любовью,
Искать кого,
В каком краю?

Иль просто,
Бросив дом постылый,

Крылатым соколом ожить,
И вечно так, покуда в силах, —
Искать,
Надеяться,
Спешить...

РЕЧКА О

Кто это выдумал — не знаю,
И осенило так кого?
Но речку малую назвали
Одной лишь буквой —
Буквой О.

Одно дыхание вселили,
И радость дали, и беду,
И крик ее:
«О, я застыну!» —
Дрожит у берега на льду.

Над нею сходятся высоко
Такие черные леса,
И черно-белая сорока
К воде спускается, скользя,
И белый снег в нее слетает.
Как зябко ей!
Как стужа бьет!
О! — лес задумчиво вздыхает,
О! — птица падает на лед.
А над Сибирью ветер сильный,
Он гнет леса, он птицу бьет,
И речка малая застынет,
И нехотя уйдет под лед.
И лишь на льду ее оббитом
И невесомо и легко
То удивленьем, то обидой,
То счастьем выдохнется:
«О!»
Так женщина, ломая руки,
То от тоски, то от любви,
То от себя бежит в испуге,

То замирает вся —
лепи!
Лепи!
И тело в бездну канет,
И ветры плечи обожгут.
И крик
то перышком, то камнем,
То пламенем
слетает с губ.

* * *

Нет, русским нельзя без России.
Глаза бы ослепли от слез.
Как можно тоску пересилить
По белому ливню берез?

Как можно забыть эти зимы,
Где вьюга нежна и груба,
В какие каноны вместимы
И песня, и плач, и гульба?

Ты спросишь однажды:
Откуда
Достался тебе этот нрав —
Жестокости, дерзости, чуда,
Добра и прощения сплав?

Откуда в тебе эта нежность,
Что дух затопляет рекой,
В лихую погоду — мятежность,
А в вёдро — глубокий покой?

Ты знаешь по запахам лета
Зверей и растений судьбу.
Ты — свой, и любая примета
Твою удлиняет тропу.

Владеешь бескрайнею речью,
К которой привыкли уста...
Вы — те, кто сегодня далече, —
Какая вкруг вас пустота!

Искатели счастья, вы немы.
Лежит в одиночестве путь.

В чужое, в неблизкое небо
Легко ли под утро взглянуть?

Легко ли без Родины милой?
Не верю, что можно забыть
Просторы ее и могилы...
Мы русские.
Нам не под силу
Уйти, променять, разлюбить.

* * *

Словно предок пристально сквозь годы
Жизнь мою следит из-за ветвей.
Здравствуй, лес!
В предчувствии восхода
Свежестью лицо мое овей.

В тишине, которой ты коснулся
Всплеском хвои и листвы резной,
Слышишь! — голос глухо встрепенулся
Дальний, нестареющий, родной.

Весь он — память, весь — как наважденье,
В нем страданьем полнятся слова:
Родина. Родимая. Рожденье.
Несказанность. Солнышко. Трава.

Ничего земля не позабыла.
Никому отсрочки не дала:
Все звала куда-то, торопила,
Мучила, печалила, ждала.

Ничего взамен не обещала
И не уходила в забытье.
Но опять — в который раз! — прощала,
Понимала: как нам без нее,
Вознесенным разными ветрами,
Но и рядом с нею, и вдали
Бредящим прозрачными утрами,
Запахами тающей земли.

В наших детях вспыхнут наши речи.
Давний жар услышится опять.

Знать бы только,
Что они при встрече
Не забудут тихо повторять,
Как пароль,
Как зов,
Как наважденье,
Вечные, щемящие слова:
Родина, Родимая. Рожденье.
Несказанность. Солнышко. Трава.

* * *

Ладонь разожму — и растает жар-птица в окне.
От лунного диска отделится всадник суровый.
Дурак ли в сермяге,
Царевич ли на скакуне
Коснется меня своей тенью и скроется снова.

Ах, сколько веков отгремело над нашей землей,
Ах, сколько костров отгорело на наших высотах!
Иванушка, милый, над городом и надо мной
Тревожные гуси гогочут о дальних полетах.

Иванушка, милый, слетает березовый лист,
И тонет, и тонет в прозрачном лесном водоеме.
И камень прибрежный все так же неровен и мшист,
Все так же камыш розовеет на свежем изломе...

Все так же шаги твои сердцем ловлю в тишине.
Спасибо за удаль, спасибо за нежность и силу.
Дурак ли в сермяге,
Царевич ли на скакуне, —
Припомни, не я ли
Напиться тебе подносила?

Не я ли касалась легко твоего рукава,
Глаза потупляла,
И губы от жара страдали.
Припомни, не я ли...
Стою ни жива ни мертва,
А тень твоя — мимо,
А голос — все тише,
все дале...

ВМЕСТО РОДОСЛОВНОЙ

Из Грузии русский помещик
Однажды привез кузнеца.
У мастера руки, как клещи,
И смуглость худого лица.

Он брался за молот с зарею,
Привыкший к такому труду.
И кузница под Вереею
Гремела в огне и в чаду.

Чернела у входа подкова,
И, слезы мешая с росой,
Ждала сватовства кузнецова
Девчонка с пшеничной косой.

Потомство пошло вперемешку —
Как метила чья-то рука:
Те — черные, как головешки,
А эти — белей молока.

Фамилию только отцову
Не выговоришь —. тяжело.
— А чьи это?
— Да Кузнецовы! —
Резонно решило село.

...В праправнуках малой частицей
Осталась та южная кровь:
То черным зрачком возгорится,
То выгнет диковинно бровь.

Под взгляды, что прямо и косо
На профиль мой устремлены,

Иду я, смугла, горбоноса,
Иду посредине страны,

Иду — и береза, как веха,
Маячит за дальним бугром.
И кузницы слабое эхо
Мне слышится в гуле земном.

И я ни грешней, ни безгрешней
Вовек пребывать не боюсь:
Ведь толикой крови нездешней
Во мне обновляется Русь.

* * *

Когда в ветрах задышит север,
И тучи двинутся на юг,
И прошуршит увядший клевер,
И птица вырвется из рук,

И дождь с утра пройдет по крышам,
Дрожа, забьется у окна,
И заблестит в траве поникшей
Кленовых листьев желтизна, —

Тогда, осенний ропот множа,
Она со дна души встает,
Сначала исподволь тревожа
Привычных дел круговорот,

Потом темно и неуместно
Смещает ход ночей и дней:
О, тяга к перемене места, —
Как сладко покориться ей!

Освободившись из-под спуда
Тяжелых дел и легких фраз,
Лететь, лететь на голос чуда,
Забыв, что чудо скрыто в нас.

И верить в то, что счастье проще,
Чем все, что сказано о нем.
И плакать вновь по мокрой роще
Под тусклым северным дождем.

* * *

Дождь,
Разразившийся над дубом.
Дождь, опрокинувшийся вниз...
Мне капли падают на губы
С твоих встревоженных ресниц.

Какому возрасту должны мы
Отдать тот страх перед дождем?
И беззащитны
И ранимы,
Стоим растерянно вдвоем.

Стоим, как бы на дне колодца.
И нас с тобой не разлучить.
И я боюсь, что оборвется
Молчанья тоненькая нить.

И дрожь замрет в наклоне линий,
В котором двигаться судьбе.
И мне уже
Ни впредь, ни ныне
Так жарко не припасть к тебе.

* * *

Все, что любил, искал, приветил —
Все умещается в душе.
Проснись однажды на рассвете,
Проснись —
Проходит ранний ветер,
Колосья клонятся к меже.

Проснись среди лесного гуда,
Средь пересмешницы листвы,
Проснись, когда невесть откуда
Летит печальный крик совы.

Проснись, когда едва светает,
Когда за сумерками вслед
Еще неузнанным витает
Зеленый, синий, белый свет.

Когда и луч далек от окон,
И ветер чуть холодноват,
И непослушный детский локон
Щекой горячею примят.

Проснись, когда на лоб тебе я
Ладонь прохладную кладу,
Когда от свежести слабея,
Слепая, я к тебе иду.

Что может быть светлей, чем это:
Познать привязанности суть,
Проснуться
И назвать планету
Пред тем, как на нее шагнуть.

* * *

...Внизу раскалялись чужие дворы,
И вниз под ногой осыпалась порода,
Но было величье особого рода
В землистых, изрезанных склонах горы.

А рядом вставала другая гора:
Кудрявый кустарник свисал над тропою.
Святая гора,
О, святая пора —
Пока еще ввысь мы уходим с тобою!

Пусть дикий шиповник краснеет у глаз.
Миндаль под ногою гремит, как монета.
К святому источнику выведи нас,
Тропа, уходящая кольцами в небо!

К источнику гнали овец чабаны.
По желобу влага стекала в корытце.
О, как были эти глотки холодны:
Как весело было,
Как трудно напиться!

Но пьешь — наполняя струею ладонь.
Но пьешь,
Задыхаясь, смеясь, наклоняясь.
Но пьешь,
Обливаясь святою водой:
В преданья не веря, в безверье не каясь.

Но пьешь эту тайную влагу земли
Не для исцеления, не от недуга:

Какие подъемы мы вместе прошли!
Поклон ли, проклятье ли каждому кругу?

В словах ли, в значениях кроется суть?
И кто отличит от находок утраты?
Но то, что в пути окрыляло когда-то —
Все то, что сумело в нас силы вдохнуть, —
И было, и есть, и останется свято!

* * *

Живу в согласье сердца и ума,
Спокойна радость и светлы печали.
Как тропка в винограднике, пряма
И коротка дорога за плечами.

В предутренней, в предгорной стороне
Меня земля приблизить захотела:
И гибок луч, скользящий по спине,
И легок ветер, холодящий тело.

Живу в согласье ветра и любви,
Тебя едва дыханием касаясь.
Ни высоты, ни дна не опасаясь.
Люби меня,
И вновь зову — люби!

На той тропе, что полонила нас,
На той земле, что нас отождествила,
Под той звездой, что падала не раз
И снова в поднебесье восходила —
И я однажды легкость обрету,
И пред тобой застыну на мгновенье:
— Остановись!
Я слышу доброту.
Живительно ее прикосновенье.

ДЕЛЬФИНАРИУМ

Дельфинариум был невелик —
Темноват и не очень просторен.
Но дельфин к нему, видно, привык
И считал его маленьким морем.

Над водою качался канат,
И трапеция сверху свисала.
Удивленно выхватывал взгляд
Атрибуты спортивного зала.

Нам нашли небольшой пятачок.
Узкий мостик, площадку обзора.
Хитроватый и чистый зрачок
Оглядел нас лукаво и скоро.

И дельфин, изогнувшись слегка, —
Так естественно, хоть непривычно, —
Чернотою второго зрачка
Уточнил что-то в нашем обличье.

И внезапно, над тяжестью вод,
К нам в сознанье впечатавшись зыбко,
Этот временный купольный свод
Озарила дельфинья улыбка.

И откуда-то из полутьмы,
Как сквозь сон, вдруг пришло пробужденье:
Кто разумней — они или мы?
В них — восторженность,
В нас — снисхожденье.

* * *

Пресыщенные зрелищами, хлебом,
Морской зеленоватою волной,
В кинотеатр под открытым небом
Под вечер приходили мы с тобой.

Был вход в него подобен входу в башню.
Стены касался дикий виноград.
Шуршал кассир афишею вчерашней,
И рвался ветер в полутемный сад.

И под ногами рассыпался гравий.
Тень миндаля качалась у скамьи.
Тускнел экран, забывший об ограде,
А у ограды правила свои.

Мы были ей охвачены привычно.
Нам странен мир без входов и оград.
И все вокруг казалось символично:
Звезда, и ночь, и реплика, и взгляд.

Невысказанность нежности и горя
И неоглядность дальних берегов.
А вне ограды бушевало море
На расстоянье двадцати шагов.

В нем не было ни смерти, ни затишья,
Ни радости, ни горя, ни любви.
Гляди в него — вовек не наглядишься.
Не отзовется — сколько ни зови.

Но вдруг само отдаст тебе с отрадой
Дурманящую близость глубины.

Все бренное окружено оградой —
Бессмертному ограды не нужны.

И, побороть не в силах искушенья,
Мы шли с тобой на берег моря вновь,
Не досмотрев про тайны покушенья,
Про заговор, погоню и любовь.

Нам вслед гремели выстрелы с экрана.
Но впереди, маняще, как всегда,
Дышало море вольно и охранно,
И падала случайная звезда.

Сливалась с небом мыса оконечность,
Колебля цепь неузнанных огней.
И путь незримо простирался в вечность,
И были мы неразлучимы в ней.

ОТКРОЙ ОКНО

Открой окно — мне ветер говорит.
Мы с ним вдвоем на замершей планете.
Я — за него, он — за меня в ответе.
Одно созвездье к нам благоволит.

Когда бы я ни подошла к окну,
И где бы он в тот миг ни оказался,
Ко мне он долгим вздохом прикасался,
Ища любовь, покой и тишину.

А я, боясь излишнего тепла,
Звала его то громко, то украдкой.
И нежностью пронзительной и сладкой,
Как яблоня, была я тяжела.

Он знал, что я от слабости молчу
В те дни, когда, устав от постоянства,
Ты уходил, заслышав зов пространства,
Припав прощально к моему плечу.

Я вслед тебе смотрела из окна,
И вот тогда, мой абрис различая,
Он ник ко мне, горюя и скучая.
Он был один, и я была одна.

И были мы не вместе и не врозь.
К тому же, не владея общей речью,
Не ощущали мы противоречий.
Так без тебя у нас с ним повелось.

В дни охлаждений или в дни обид
Мы были друг за друга с ним в ответе,
Пусть говорят:
Слова летят па ветер.
Открой окно — мне ветер говорит.

КОК-ТЮБЕ

Едва сольется в опустевшем парке
Игра теней с вечерней полутьмой,
Взойдет луна, как личико татарки,
Над сонною, мерцающей водой.

И упадут совсем иные тени,
Иная вверх откроется тропа.
Я перед ней
Остановлюсь в смятенье:
По-северному речь моя скупа.

Так слепнет узник после заточенья,
Шагнув на свет из тесной проходной.
Свеченье волн,
Немой горы свеченье,
Свеченье ветра за твоей спиной.

Дыхание неслышного вопроса
И тайный шаг,
Скользящий по траве,
И чей-то лик,
Знакомый и раскосый,
И шелест птицы в замершей листве.

Все проступает, что хранилось в тайне,
Когда, устав от солнца и волны,
Я, вглядываясь, вижу очертанья
Давным-давно забытой старины.

И населяю жестами и речью
Тропу,
И сад,

И камень у воды,
И эти дорогие, человечьи,
Не стянутые временем следы.

И ощущаю сладостность подарка,
Когда приветно находя мой взгляд,
Четырнадцатилетняя татарка
Кладет в ладонь мне теплый виноград...

ЦЫГАНСКИЙ НАПЕВ

Когда предо мною проходит цыганка,
В зрачках пронося забытье —
Звенит ее бубен,
Поет ее вьюга,
Змеится улыбка ее.

Когда конокрад,
Обнимая гитару,
Протяжную песню ведет, —
Тревожится ветер,
Томится дорога,
Каурый ушами прядет.

Когда ты мне снишься
В сентябрьскую полночь,
Твержу, как заклятие, вновь:
Боли, мое сердце,
Гори, моя совесть,
Терпи, моя темная кровь.

И ночь открывается
Странною речью:
Свободой меня опои!
Дорогой и ветром
Пропитаны плечи,
Тяжелые плечи твои.

Я слабну от храбрости, —
Не от испуга,
Цыганку и вьюгу кляня:
Никто не окликнет,

Никто не догонит,
Никто не разлюбит меня.

И только тревожная
Эта дорога
Со мною останется вновь.
Боли, мое сердце,
Гори, моя совесть,
Терпи, моя темная кровь.

ОДА ЭПИСТОЛЯРНОМУ ЖАНРУ

Эпистолярный жанр! Все глубже
Уходишь ты в небытие.
Чему под силу в наших душах
Звучанье заменить твое?

Открыт спокойствию и страсти,
Ты был то вычурен, то прост.
Ложился, спешке неподвластен,
Меж собеседниками мост.

И по нему слова бежали
Надежды, радости, беды,
Любви, иронии, печали,
И нетерпенья,
И вражды.

А сколько между строк читалось
Того, что слог вместить не мог!
О, запятой немая шалость!
О, многоточия намек!

И одержимость восклицанья,
И точки заданный акцент...
Летело легкое посланье —
Момент любви,
Судьбы момент.

Сказать короче — невозможно,
Сказать длинней — не сыщешь слов.
О, как открыть бывает сложно
Все, чем ты полон до краев!..

И пусть мы ценим время строго.
(Когда вникать в цепочку строк?)

Пусть телефонным диалогом
Сменился древний монолог.

Пусть. Но откроется мгновенье,
И зазвучит, сводя с ума,
Неповторимым откровеньем
Строка забытого письма.

С ней мысли и добрей, и шире,
И высотою дух томим.
За радость жить в прекрасном мире
Мы русский слог благодарим.

И хоть давно оторвались мы
По всем статьям от старины,
Прошу тебя:
Пиши мне письма!
В наш громкий век им нет цены.

ЛЮБОВЬ. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

(Вступление к ненаписанной поэме)

1

Россия,
От жен декабристов
До нынешних звучных времен
Как много поистине чистых
Собрать ты сумела имен.

Россия,
Различные судьбы
Твой вихрь поднимал в высоту.
Какие высокие судьи
Осудят твою правоту?

И кто разберет осторожно
Запутанных нитей клубок,
Когда выбиралась тревожно
Одна лишь из многих дорог.

Когда в захолустьях российских,
Где власть у попа и купца, —
Подобно томящимся искрам,
Вот-вот и взорвутся сердца.

Оттуда по травам росистым
Ступали на свет кумача
Вы, женщины в красных косынках,
В тужурках с мужского плеча.

О, стойкая вера в идею!
Достигнуть ли ваших высот?
Твержу я, лицом холодея:
Любовь,
Восемнадцатый год.

Какие прекрасные судьбы!
Поступков и дерзость, и страсть.
Мне дух вашей веры вдохнуть бы,
Мне б к вашим дорогам припасть.

И тот, кто меня за собою
Ведет вереницей веков,
Он сам к беспощадному бою
Во имя России готов.

Я чище не знала любови,
Я, женщина, ею жива.
Мои — эти русые брови,
Моя — этих глаз синева.

О, я не давала обета,
В душе однолюбство тая.
Мои — все обиды, все беды,
И только победа — твоя.

2

Любимый,
Наверное, вечно,
Сметая столетья с земли,
К тебе я бежала навстречу,
Заслышав твой голос вдали.

Когда б ни окликнуло время
Тебя на священном ветру,
Судьбы твоей тяжкое бремя
Я тоже на плечи беру,

Чтоб в летопись жизни и боя
Единым движеньем пера
Вписать твое имя земное
И вычеркнуть слово «вчера».

Закроешь глаза — я исчезну:
Пусть будет твой сон одинок.
Замру над клубящейся бездной,
Чтоб ты оступиться не смог.

Но век тот, что снова в нас ожил
Смешеньем войны и труда,
Любимый,
Он чище и строже,
Чем кажется нам иногда.

Неправда, что в огненных летах
Любовь отходила туда,
Где были на мирных планетах
Отстроены ей города.

Неправда,
Их все-таки — двое.
И в те и в иные века —
Не бойся, я рядом с тобою! —
Твоя говорит мне рука.

Я шире не знала ладони,
Чем сильная эта ладонь.
Так землю с небесным бездоньем
Скрепляет единый огонь.

И в нем, то неясно, то грозно,
Всей жизни сужая кольцо,
Неровное, битое оспой,
Твое проступает лицо.

3

Как будто в немом карауле,
Стою, забывая про сон.

Сквозь время смотрю, как под пули
Стремительно мчит эскадрон.

Как вдруг, раскроив многогранник
Лесов, обступивших коня,
Вперед вырывается всадник,
Впечатанный в контуры дня.

Впечатанный в память и в песню,
И в жесткую прогибь седла.
И тонет над ним в поднебесье
Напутственный клекот орла.

И, только предчувствуя жажду,
Предвидя рождение дня,
Быть может, в столетье однажды
Он спрыгнет на землю с коня.

Губами притронется к Волге,
К земной прикоснется груди,
И снова
Умчится надолго
И не обернется в пути.

И свет, полнолунием пролит,
Его от земли уведет
Над явью, над кратким паролем:
Любовь,
Восемнадцатый год.

Нас не было, скажут, —
Мы были!
Нас временем этим ожгло.
Дышали. Горели. Любили.
И жили, и гибли светло.

И в памяти мы уносили,
Венчая любовь со звездой,
Ты — нежность и дерзость России,
Я — всадника профиль литой.

И после нам виделось долго,
Как падает ласковый дождь,
Как трогает сонную Волгу
Звенящая лунная дрожь,

Как слиты характер и жребий,
Как времени ярок полет,
Как всходит отчетливо в небе:
Любовь,
Восемнадцатый год.

КРУЖЕВНИЦА

Между века́ми
Ставлю шар с водою,
Как встарь, между вязаньем и окном *,
Пусть он дерзнет собрать в луче одном
И солнца свет, и небо голубое.

Пусть он смягчит тот роковой контраст,
Который луч соединяет с тенью.
Пусть невесомость влажную отдаст
Причудливому мягкому плетенью.

И ты над ним старательно склонись:
Тебе лишь ведом тот секрет старинный,
Когда из нити белоснежно длинной
Рождали чудо пальцы кружевниц.

О, эти тайны!
В чьем усталом сердце
В последний раз вам вздрогнуть довелось?
Где на узор упала капля слез?
За кем в небытие закрылись дверцы,
Чтоб скрыть вас от грядущего,
Чтоб те,
Кто будет после, —
Головы ломали,
Искали, ошибались, умирали,
Запутавшись в извечной простоте.
Или смирялись —
До того ли в спешке?
До кружев ли брюссельских нам,

---

* Кружевницы обычно ставили между вязаньем и окном стеклянный шар с водой для лучшего освещения.

До тайн?
В двадцатом веке служат белоснежке
Синтетика, транзистор, телетайп.

И все-таки
Позволь мне тихо рядом
С тобой, несуществующей, присесть.
Ты для меня — трепещущая весть
Из прошлого,
Из рая или ада.

Плети узор.
Я время отгоню,
Секунды, что назойливее женщин.
Стареем мы.
И хочется к огню.
И белой пряжи с каждым днем все меньше.

И все трудней
Признаться иногда,
Что нить ушла и что секрет не найден.
И мы молчим
Не откровенья ради,
А ради нас гнетущего стыда.

И вечерами, обращая к небу
Измученные, красные глаза,
Мы просим слов,
Как в голод просят хлеба,
Когда просить и негде, и нельзя.

* * *

Итак,
        верши свой пир, искусство!
Фанфары взвизгнули в ночи,
И к публике тысячеустой
Парадно вышли циркачи.

В том царстве музыки и блеска
Полет мерещился в глазах,
Светились золотом нарезки
На башмаках и поясах.

И девочка, почти ребенок,
С наивным выплеском зрачков,
В костюме черном, как чертенок,
Взлетала между турников.

Верши,
        верши свой пир, искусство!
Коснись волшебно и легко
И силача
С одышкой грузной,
И хрупкой девочки в трико.

Они,
От славы в отдаленье,
Нехитрым радостям земли
Одно твое прикосновенье
Без колебаний предпочли.

Их била черная работа,
Сухие губы жажда жгла,
И пахли мускусом и потом
Их утомленные тела.

И срывы холодили горло.
И, притаившись в темноте,
Слежу я, замирая горько,
За акробаткой в высоте.

И мнятся мне ее движенья,
Ее полет меж турников,
Тех сред и пятниц продолженьем,
Тех вторников и четвергов,
Когда безжалостно и смело,
О боли заглушая крик,
Свое измученное тело
Она возводит на турник,

Когда ни слез ее, ни гнева
Не различить из-за кулис.
Когда еще пусты и немы
Ряды, сходящиеся вниз.

Когда призвание, как оспа,
Клеймо печатает на лбу.
Вот так
По тоненькому торсу
Мы посылаем вверх судьбу.

Уходим безрассудно к выси
По узкой ниточке строки.
И вслед нам,
Прислонясь к кулисе,
Так странно смотрят старики.

* * *

Признав вдохновенье — заботой,
Ссылаясь на тщетность труда,
С какою поспешной охотой
Виним мы судьбу иногда:

Бестрепетность, неблагодарность
И нас изнуряющий быт.
И чем очевидней бездарность —
Тем больше тяжелых обид.

Но стоит ли жизнь твоя риска,
Но вспыхнет ли свет впереди
Без этой безделицы —
Искры! —
В палимой тщеславьем груди.

Не тешь свою слабую душу
Спасительной мыслью о том,
Что был-де огонь, да потушен...
Что толку вздыхать над листом?

Он мстит за пустое паренье,
За слишком старательный слог,
И переплавляет в забвенье
Звенящую мертвенность строк.

* * *

Темнеет лес вокруг,
Деревья хороня.
Отчетлив каждый звук:
— Не зажигай огня.

Сквозь сумеречный свет
Прочерчена тропа.
Так на исходе лет
Прочерчена судьба.
Так на исходе дня
Прочерчен каждый шаг.

Когда же отстраня
Своей стеною мрак,
Дороги сторонясь,
Светлеет дом с углов —
Я ощущаю связь
Рождающихся слов:

Сгорай, сгорай, гори,
Покуда ты живой.
Свеченье изнутри —
Светйтся разум твой!

Не заключай в ладонь
То, чем душа горда.
Спеши отдать огонь,
Покуда в нем нужда.

В предчувствии зари
Себя щедрее трать.

Свеченье изнутри —
Оно придет опять.

Придет, хотя б на миг,
Придет средь бела дня...
...А сладкий шепот тих:
— Не зажигай огня!..

* * *

Не то, чтобы дерзко смеяться,
Свой рок искушая: «Вершись!» —
Но страшно остаться паяцем
На всю эту долгую жизнь.

Копировать смех истерички,
Тихони разумную речь.
Копить обращенья, привычки.
Чужие повадки беречь.

Дублировать мысли.
Быть вором,
Крадущим чужие слова.
Прослыть остроумцем, актером,
Иметь на признанье права.

И так вот до самой могилы
(Штамповка? Шаблон? Манекен?)
В компании став заводилой,
Не стать уже больше никем.

Забыть и свой собственный голос,
И жест свой — с ладонью у лба...
На сколько частей раскололась
Твоя ли, чужая судьба?

Где счет обретеньям, потерям,
Тот счет, что особо высок,
По коему всем нам отмерен
Всего лишь единственный срок?

Неужто и впрямь безразлично,
Вслепую, той жизнью пройти,
Где так и смешны, и трагичны,
И подлинны наши пути?..

* * *

Покуда где-то на земле
Еще есть отзвук зла,
Моя вина — она во мне,
Остры ее крыла,

Она мне сердце жжет огнем
Все резче, все больней.
И мне ни ночью и ни днем
Нельзя расстаться с ней.

Вина за то, что кто-то вновь
Бездомен, наг и сир,
За несчастливую любовь,
Что посетила мир.

За равнодушье суеты,
За лицемерье фраз,
За недостаток доброты
У каждого из нас.

За чью-то муку в тишине,
За смерть из-за угла.
Моя вина — она во мне.
Остры ее крыла.

* * *

Жить бы да жить, тебя целовать.
Наших детей миловать, баловать.
В праздник
Внося пироги с курагой,
Дверь прикрывать осторожно ногой.
Весело белой посудой звенеть,
Чистить до блеска старинную медь.
Слушать приемник, когда, например,
Песни народов СССР.
Слушать — не слушать, совсем приглушать,
Чтобы работать тебе не мешать.
И, на доске нарезая лапшу,
Чувствовать: снова под сердцем ношу.
Радостно, ловко, спокойно, легко
Детям ко сну наливать молоко,
Верить, что все будет ясно и впредь.
Вечером сесть телевизор смотреть.
Спать на руке твоей до петухов.
И, как отравы, бояться стихов.

ЛИССАБОНСКИЙ ПЕТУХ

1. ПЕЛ ПЕТУХ

Пел петух на заре в Лиссабоне
Хриплым голосом, — словно с трудом,
Словно был недоволен собою,
Утром сумеречным и дождем.

Над кривыми зигзагами улиц,
Наплетая изгиб на изгиб,
Черепичные крыши тянулись
Чешуею оранжевых рыб.

Окликающий город любовью,
Но сокрытый густою листвой,
Пел петух на заре в Лиссабоне —
Мне казалось, он пел под Москвой.

Мне казалось, едва лишь я руку
Протяну в этот дождь проливной,
Жестом к жесту ли, звуком ли к звуку
Ты окажешься рядом со мной.

И тогда из рассветных потемок,
Только к нам обращен в этот миг,
Крик взметнется, простужен и ломок,
Петушиный отчаянный крик.

И, выпростываясь все свободней,
Лента памяти вспыхнет слепя:
Пел петух на заре в Лиссабоне,
Разве я там была без тебя?

Разве там не березовый ветер,
Разве это в предутренний час

Не российский петух на рассвете
Хрипло пел в изголовье у нас?..

2. БЕССМЕРТНЫ ЛЮБОВЬЮ

Нет смерти — есть камни и небо.
Есть волн громогласный прибой.
Вселенная — это планета,
Которая стала тобой.

И вечно твоими глазами
Глядит, чуть прищурясь, она.
...Углы у гранита слизала
Тяжелая, злая волна.

И в нагромождении судеб,
И в нагроможденье камней
Воистину шаг многотруден
Эпохи твоей и моей.

И все ж на дорогах несметных
Мы будем во веки веков
В глазах у любимых — бессмертны,
Бессмертны — в гряде облаков.

Бессмертны любовью земною.
Но как нас разлуки страшат!
Разлюбишь — я стану землею,
Чтоб только услышать твой шаг.

Забудешь — волною ударюсь
С разбегу о серый гранит.
Но что для забвения ярость?
Забвенье превыше обид.

Забыта любовью твоею,
Душа, замерев на лету,

Не в небо уйдет, пламенея,
А немо уйдет в пустоту.

Холодным потоком завертит
Ее над землей тишина.
Ответь, для чего ей бессмертье,
Коль так одинока она?

3. СВЕДЕНЫ ВОЕДИНО

Дождь в листве перепутанной рыщет,
Пробиваясь меж сомкнутых крон.
Темный брус корабельного днища
Алым пламенем сплошь обагрен.

Колдовское дыханье камина
Обволакивает глаза.
Обгоревшая наполовину,
Виноградная тлеет лоза.

Для огня подходящая пища:
В этот вечер, свистящий и злой,
Темный брус корабельного днища
Перекрещен с засохшей лозой.

Словно с временем кончив раздоры,
Из глубин и веков, и земли
Виноградари, конквистадоры
В этот дом незаметно вошли.

И, от терпкой мадеры распарясь,
Кто-то кашлем спугнул тишину.
Ураганом разорванный парус,
Торопясь, полоснул по окну.

Дух скитанья, сраженья, захвата.
Стон ветров, нетерпенье, пальба.

Виноградарь рукой узловатой
Вытер пот с воспаленного лба.

Он искал свое счастье не в море,
Хоть и слышал настойчивый зов
Долетевшей к террасам предгорий
Романтической розы ветров.

Но, широтами бредивший ночью,
Только солнце ударит в окно,
Он рыхлил каменистую почву,
Он растил молодое вино.

Зыбь морей и надежность жилища.
Соль надежды — и пот, и слеза.
Дай тепло, корабельное днище!
Вспыхни пламенем ярким, лоза!

Я и ты, я и ты — мы ходили
Врозь по гребням и врозь по стерне.
Два пути сведены воедино,
Перекрещены в общем огне.

Через сотни веков, через тыщи,
Жизнь и смерть возложив на весы,
Нам с тобой на одном пепелище
Быть золой корабля и лозы.

Быть вина и моряны слезою
В океанском просторе земли.
Я люблю тебя.
Щепку с лозою,
Нас с тобою,
Затишье с грозою —
Ветры времени сами свели.

4. КАБО ДА РОКА *

Облако в небе. Под ним — океан.
Западней нет у Европы порога.
Снова ветра предвещают туман,
Кабо да Рока,
Кабо да Рока.

Остерегающий рев маяка —
О, как пронзительна эта тревога!
Где же твоя во спасенье рука,
Кабо да Рока,
Кабо да Рока?

Скольким навстречу бросался твой клич
Бычьим напором на ливень и рокот!
Но не вернувшихся не обезличь,
Каждого вспомни,
Кабо да Рока!

Крайняя точка — граница границ.
Каждый обрыв — лишь ступенька
в безбрежность.
В небо взлетаю иль падаю ниц —
Где преднамеренность, в чем неизбежность?

Сколько огней и вдали и вблизи
Вдруг загоралось призывом к покою!
Твердого берега,
Сердце, проси,
Дикого камня проси под ногою.

Щеку к соленой земле приложив,
Тайну постигни растаявшей ночи —
Губы молящие: «Только бы жив!» —
От ожиданья ослепшие очи.

---

* Мыс Рока. Самая западная точка Европы.

Кабо да Рока,
Нелегкий удел
Слезы прощания помнить столетья.
Только бы был у дороги предел,
Только бы с губ твоих чувствовать ветер.

Только гудел бы призыв маяка,
Только бы сердце забыться могло бы...
...Милый, как я от тебя далека!
Что мне до западной точки Европы!

5. НЕГАСНУЩИЙ ОГОНЬ

Подчиняясь силе притяженья,
По орбите движется земля,
Вовлекая в тихое круженье
Наших душ туманные поля.

Мы живем, заряженные розно,
Ненависть ли, нежность затая,
Но полей тех рано или поздно
Все ж соприкасаются края.

Осторожно, сердцу не переча,
В полдень ли, в полуночную тьму
Взгляд и слово тянутся навстречу
Взгляду и дыханью твоему.

Чтобы слабый избежал испуга,
Не сгубила сильного молва,
Надо чаще доверять друг другу
Добрые, правдивые слова.

И возникнет хрупкость откровенья,
И звездою — только не разрушь! —
Вспыхнет точка соприкосновенья
Мучимых непонятостью душ.

Пусть она горит, не остывая,
Как звезде гореть бы довелось.
Не страшитесь сопереживанья —
Груза чьих-то радостей и слез.

Не страшитесь, чтобы непрестанно
Нас вело дорогою любой
Это единенье тайны с тайной,
Сердца — с сердцем
И судьбы — с судьбой.

6. ВОИСТИНУ СВЯТЫ

И вновь ненадежность погоды —
Как будто смятенье души.
Ты, берег великих походов,
Свои маяки не туши!

Пусть высветят явно и прямо,
Какой ураган ни вершись,
Скитания Васко да Гама,
Поэтов бродячую жизнь.

Вы, ветры с волною на канте,
Двукрылою четкостью стрел
На шаре земном, как на карте,
Отметьте пути каравелл!

Вы, звезды, дарящие немо
Свой путеводительный свет,
Храните надежно поэмы
Смертей, поединков, побед!

Вы, женщины в черных одеждах,
Забудьте про траур сердец,
Не верьте, что нету надежды,
Вглядитесь в сиянье колец!

И ты, мой далекий, мой лучший,
Ты цепь моих рук разорви.
Какой бы ни выпал мне случай,
Я выйду на берег любви.

Пусть будет тропа нелегка мне,
Но, память стремясь уберечь,
Увижу в волнах или в камне
Крутой разворот твоих плеч.

И в иноязычности улиц,
Которым не видно конца,
Предстанет родного лица
Тяжелая широкоскулость.

Предстанет,
Тесня грубовато
Чужие надбровья и рты...
Да будут воистину святы
Далеких любимых черты.

7. РОМАШКОВЫЙ ЛУГ

Древний форт и ромашковый луг.
Синий купол, натянутый туго...
Почему же я слышу вокруг
Знойный запах российского луга?

Почему нахожу меж дорог,
Атлантической дышащих влагой,
Ту одну, что скользит на восток,
Одержимо, с упрямой отвагой.

Все мне грезится, будто вдвоем
Наши тени маячат за далью.
От рожденья надеждой живем:
Миг любви — на века ожиданий!

От рожденья дорога долга
К той заветной звезде,
К беспечальной.
Где в пространстве родная рука,
На границе какого отчаянья?

Где тот взгляд, что и глаз не отвесть?
Где тот голос — тоска и услада?
Значит, все же единственность есть —
Та единственность жеста и взгляда.

Слов единственность — ласковый хмель,
На губах шелестящие слоги.
И единственность милых земель,
Павших нам от рождения в ноги.

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы по разные стороны тучи.
Твое небо ветра стерегут.
Твое имя дрожащим созвучьем
Обрывается вниз с моих губ.

Но когда на земле мы с тобою —
Взгляд во взгляд —
Снова встанем вдвоем,
Круто в небо уйдет голубое
Твое имя в дыханье моем.

* * *

Тишина. Неясное свеченье
В высоте затерянной луны.
Тишина, как самоотреченье
От всего — во имя тишины.

Там, где тучи ходят негодуя,
У берез, продрогших на виду,
Хочется окликнуть молодую
Острую и зоркую звезду.

До краев неровных дотянуться,
На руки озябшие подуть,
Задрожать, опомниться, вернуться
К той земле, где начинался путь.

Это ею мы сильны и строги.
Выше ростом, голосом звончей.
И тревожно светит у дороги
Взгляд ее негаснущих очей.

И стоят почти у изголовья,
Никуда не отпуская нас,
Ясный свет над ясною любовью.
Тишина.
И синий-синий час.

* * *

Еще не время про усталость —
Но все ж остановись, постой
И оглянись:
Что там осталось
За остывающей чертой?

Вглядись сквозь влажные туманы,
Вглядись всей совестью своей
Сквозь обещанья, сквозь обманы —
В невозвратимость прежних дней.

И унеси с собой оттуда
Незамутненную звезду,
Несовершившееся чудо,
Неотвращенную беду,
Огни любви, огни покоя,
Разлук прощальные огни,

А прочее, махнув рукою,
Оставь,
Забудь,
Похорони!

И налегке по тропке скорой
Шагай с утра до темноты.
А я возьму ту боль, с которой
Путь от черты и до черты.

* * *

Дань творчеству, дань суете, дань дружбе...
Доколе же искать себе покой?
А и всего-то мне немного нужно:
Забыться ненадолго над рекой.

Услышать звон безмолвной колокольни,
Где ласточек старинное жилье.
И вот уже ритмичней и свободней
Становится дыхание мое.

Закрыв глаза, стою на косогоре,
Стою, не помня ни добра, ни зла.
Перебивая мысли, с ветром споря,
Во мне, во мне звучат колокола.

И сквозь меня тот звон уходит в землю,
Ступнями сладко ощущаю гуд.
Ему деревья, вытянувшись, внемлют,
Его лесные птицы стерегут.

Забытый, он врачует человека
В суровом веке вспышек и углов...
Я ухожу —
И отступает эхо
Доверившихся мне колоколов.

Я ухожу туда, где день неистов,
Где зов его не молкнет вдалеке,
Где будет мне дано звучать на чистом,
На русском, на бессмертном языке.

* * *

Незаметно тает в поднебесье
Росчерк самолетного крыла.
И стихает медленная песня
Где-то на окраине села.

И стволов чернеют силуэты,
Вспыхивает первая звезда.
И в глуши рождаются поэты,
Без которых немы города.

* * *

Ушедших забывать нельзя.
Их затуманенные лица,
Вдоль нашей памяти скользя,
Теснятся тихой вереницей.

И лишь высокие леса,
Откуда душам нет возврата,
Нам сохраняют голоса,
Средь нас звучавшие когда-то.

И лишь бескрайние поля
В незамутненной сонной рани,
Травою поздней шевеля,
Напоминают их дыханье.

Но молчалива жизнь камней,
А труд нас меж камнями сводит.
И мы смыкаемся тесней,
Когда один из нас уходит.

О, эти вещие права —
Хранить, как памяти частицы,
Давно затихшие слова,
Давно потерянные лица.

Идущие среди камней,
Мы время ощущаем кожей.
И память наша все ясней.
Все осязаемей,
Все строже.

ТРИПТИХ

1

Я стою перед тобой, как виноватая,
Только сможешь ли ты снять с меня
вину:
Сто столетий, огорчая или радуя,
Словно камешки речные, шли ко дну.

Все сменялось: годы ратные и мирные,
И от славы было полвершка к беде.
Наши судьбы — наши линии
пунктирные —
Расходились и сходились.
Но нигде
На продутых сквозняком пространствах
Времени,
На неровном и исхоженном плацу
Мы друг друга не могли узнать до
времени,
Даже изредка сходясь лицом к лицу.

Даже взглядами пути друг к другу
выстеля,
Отчужденно и растерянно бледны,
Не слыхали мы ни шепота, ни выстрела
Возле сердца, где-то с левой стороны.

И, тоскуя, и ища следа ли, знака ли,
От тебя, кто до обидного далек,
Я не год один —
Я сто столетий плакала,
Проклиная нескончаемый тот срок.

Все прислушивалась я к чьему-то
голосу,
К придыханию, к манере ли идти.

И со лба рукой откидывала волосы,
Замирая в напряженном забытьи.

И, губами шевеля, как на молении,
Я звала твое бессмертие опять,
И за жизнь твою бросалась на
колени я
Перед теми, кто хотел ее отнять.
И теперь,
Спасенный мной и мной задуманный,
В срок, который был назначен в тишине,
Ты проходишь, о другой, похожей, думая,
Даже не подозревая обо мне.

Не протягивая руку мне на улицах,
Не заглядывая пристально в лицо.
Но теснее и теснее образуется
Вкруг тебя моих провидений кольцо.

Даже если есть невеста волоокая,
Даже если ты ей верен, на беду, —
От тебя не отрекусь.
Ведь я жестокая.
Я не год один —
Я сто столетий жду.

2

А по ночам я думаю о том,
Что мы уже стояли здесь, за мо́стом.
У стен Кремля,
На берегу крутом,
Палили пушки в честь послов заморских.

И собиралась праздная толпа,
И конными и пешими пестрея.
Бориса иль Димитрия судьба
Всходила над землею, пламенея.

Забыв про стыд и не страшась беды,
Пил московит — от вора и до князя.
Из черпаков тяжелые меды
Текли по платьям, проливаясь наземь.

И в дальней церкви попик чуть живой
Молился о правлении счастливом,
Стуча об пол горячей головой,
Отяжелевшей от медов и пива.

Который век там был? Который год?
Откликнись мне из смутных тех столетий.
Недолговечен царь.
Несчастны дети:
Тем — яд, а этим — монастырский свод.

Но Русь моя!
Тебе ли горевать?
Пить и работать ты всегда умела.
И над тобой колоколам звучать,
И колокольням красоваться белым.

Но посмотри — не тронут твой шелом,
И нерушима кладь кремлевских башен.
И славен мир.
Меды текут из брашен,
И московит пирует за столом.

И терпеливо ждет судьба, когда
Объединятся следствие с причиной.
И мы еще — не женщина с мужчиной,
А только воздух, почва и вода...

3

На лоб простая истина легла
Прикосновеньем жестким и усталым:
Сотворена из твоего ребра.

Прими меня.
Я твой ребенок малый.

Лелей, расти и обучи всему,
Что можешь сам.
И наказуй и пестуй.
Отбрось боязнь,
Что женскому уму
Опасна воля и опасна песня.

Не верь, не верь,
Но вслушайся:
В ночи
Стук сердца оглушителен и четок.
И иногда свет маленькой свечи
Нужней звезды бывает звездочету.

Ты дал мне жизнь.
Я рождена тобой,
Чтоб освещать твою стезю и таять,
И в этом мире так свой след оставить —
Вести тебя сквозь полночь за собой.

И потому,
Доверьем облеча,
Средь шума ли,
В глуши, от глаз сокрытой,
Не трогай руку с моего плеча,
Держа меня надежно под защитой.
Не забывай:
И плача, и шутя,
И храбро уходя от суесловья,
Во все столетья
Я — твое дитя,
И ты не оставляй меня любовью.

* * *

Зимний день —
Он на убыль идет незаметно,
Даже если он солнечно светел с утра.
Ты принес мне с мороза сосновую ветку,
На которой под льдинкой застыла смола.

Ты за нею ходил
По высокому снегу,
Ты высокое дерево трогал рукой,
И снежинки, слетая с высокого неба,
Над тобою творили строку за строкой.

Наблюдая, как ты,
Молчаливо растерян,
Созерцаешь серебряный этот чертог,
Встала тихо зима за серебряной дверью
На серебряный, кованный стужей порог.

И, серебряным сердцем легко холодея,
Попросила тебя:
— Сохрани и спаси
Ледяные владенья царя Берендея
Всей великой, и малой, и прочей Руси.

Наделенный державным созвучьем недаром,
Володеющий миром огромным,
Сейчас
Ты один на один перед присказкой старой
Замираешь, снега ощущая у глаз.

Никуда нам от наших истоков не деться,
Видно, долгая жизнь предназначена им.
Сколько раз я твое ослабевшее сердце
Согревала несильным дыханьем своим.

Сколько раз я тебя поднимала в дорогу,
Я — тихоня, молчунья, домашний божок.
Сколько раз от меня отгонял ты тревогу,
Сколько раз я от горя была на вершок.

Ну так пусть же в руках твоих ветка засветит,
Та, моро́зная,
Та, где застыла смола.
Пусть стоящие рядом с тобой не заметят,
Как, однако же,
Ноша твоя тяжела...

* * *

...Ты крикни — и эхо по-русски ответит,
Шагни —
И по-русски застонет земля.
Все восемь веков —
Словно восемь отметин
Горят на нестершемся камне Кремля.

Пронизаны дали и светом и ветром,
И солнце слепит —
Не закрыться рукой.
И скорости нашей направленный вектор
Начало берет
От холма над рекой.

Отсюда мы мерили днями столетья,
Здесь насмерть стояли у вещей стены.
Над площадью этой и трубы и плети
Когда-то отчетливо были слышны.

Шумели гулянья,
Читались указы,
И зрел до поры,
К откровениям глух,
Тревожный, бунтарский, неверящий сглазу,
Народных восстаний живительный дух...

Он зрел, будоража и грады, и веси,
Чтоб выплеснуть знамя в назначенный год.
Смогу ли осмыслить призывы тех песен,
С которых хмелел баррикадный народ?

Смогу ли постичь твою душу, мой нежный?
Она вырывается птицей из рук.

Звучит в ней все тот же — бунтарский,
мятежный,
Завещанный предками нашими дух.

Но вижу я, как под моею рукою
Разглажен твой лоб от тяжелых морщин.
Из вечного боя,
На время — к покою —
Дано мне вернуть одного из мужчин.

Вернуть журавлем ли, затерянным в небе,
Синицей ли — к этим ладоням сухим.
Я вижу глаза твои,
Белые в гневе
И синие под поцелуем моим.

Я рядом с тобою.
И вместе вглядеться
Нам в площадь, простертую в нынешнем дне.
Здесь гордостью полнится
Каждое сердце.
А русское — полнится ею вдвойне.

* * *

Какое великое счастье —
Себя в этой жизни найти,
Дыханье рассудка и страсти
В одно попытавшись свести.

Склониться пред таинством речи,
Пред полузабытым словцом,
Как перед случайною встречей
С чужим, но прекрасным лицом.

И с вечностью миг перепутав,
Любви и строки не щадя,
Жить вдохом, единой минутой,
Землей в ожиданье дождя.

И тем быть полезною людям,
И в том видеть смысл бытия,
Что душу кому-то разбудит
Крылатая строчка твоя.

* * *

Дотлею в тиши? Догорю?
А осень уж не за горами.
Жилище продуто ветрами,
И время прийти сентябрю.

Но с каждым истаявшим днем
Все непримиримее норов
Бессонных моих кредиторов —
Забот, переполнивших дом.

Одними губами шепчу:
— Какая железная хватка!
И все же всю жизнь,
Без остатка
Я дань им покорно плачу.

На завтра их не отложить.
Покончить бы с ними — и снова
Вернуться в то царство, где слово
Начнет в полутьме ворожить,

Где мне встрепенуться пора:
Не так уж их много осталось —
Тех дней,
Где смолкает усталость
Пред утренним зовом пера.

И кажется: вот он, просвет.
Полшага еще, полмгновенья
До радости, до откровенья
Насыщенных воздухом лет,

Где можно вполнеба вздохнуть —
И робко проснется бумага.
Где я одолею полшага —
Безделицу. Малость. Чуть-чуть.

* * *

День начинается. Дышит заря.
Скоростью первый трамвай озабочен.
В недрах настольного календаря
Чисел порядок извечен и точен.

День начинается: тишь или гуд,
Стол ли, станок ли — да будет удачен
Нами единожды выбранный труд,
Что ученичеством долгим оплачен.

Труд — это наша причастность к земле.
Труд — это Время зовет не смолкая.
Это перо у Жар-птицы в крыле:
Глянь на ладонь —
Светлота-то какая!

Бремя поденщины в гору влеки,
Вкус позабудь и любови и хлеба
Ради единства души и строки —
Ради труда, всколыхнувшего небо.

Ах, торопись, не погасло пока
В тьме ли низин, в освещенности гор ли
Это единство:
Душа и строка —
Ласточкин крик, задержавшийся в горле.

* * *

На четыре минуты
Сегодня светлей, чем вчера.
А земля подо мной
И тверда, и бескрайня, и зряча.
На четыре минуты
Сегодня звончее ветра.
О великая мера
Дыханья, работы, удачи!

Сколько лиц предо мной —
Наплывают, мелькают, спешат.
Голоса, голоса —
Ими воздух вокруг переполнен.
Я люблю тебя, день мой,
Люблю твой естественный шаг —
Убыстренный с утра
И разумно размеренный в полдень.

Но едва отступлю —
И в минуту вместятся века.
Как немыслимо емки
Четыре минутные круга!
Этот взгляд. Эта речь.
Эта комната. Эта рука.
И трамвай за окном.
И опять — не уйти друг от друга.

Но за то, что твой ритм
Наполняет собою зарю,
И за то, что мой бег
Забираешь ты в жесткие путы,
День мой, —
Слышишь? —

Спасибо тебе говорю.
И за свет твой продленный
Судьбу свою благодарю.
Перед тем, как сгореть в тебе,
Тысячу раз повторю:
Как долга моя жизнь!
Как щедры ко мне эти минуты.

* * *

Вечерняя заря недвижна над землею,
Дыхание берез колеблется в окне.
Когда-нибудь и мы к земле падем золою,
И ветер, прошумев, уймется в стороне.

А мы уйдем туда, откуда сок — деревьям,
Откуда жизнь — траве и трепетность — листу.
Вы вспомните о нас, отбросив суеверья,
Обрывки наших фраз прочтите на лету.

Мы шли, не обходя ни тайн, ни откровений,
Под эхо той, второй, потрясшей мир войны.
Под обновленность гроз, под ненадежность сени,
Под голоса детей, под хрупкость тишины.

Двадцатый век смешал события и лица,
Чтоб обессмертить тех, а этих — позабыть.
Как расшибались мы! — Не бойтесь ошибиться.
Как ошибались мы! — Не бойтесь так любить.

Пусть будет новый век рационально вечен,
Но в час, когда слетит вечерняя заря,
Я вдруг заговорю березовым наречьем,
Опять заговорю, волнуясь и горя.

И, может быть, затем, не выдержав порыва,
Я дрогнувшим листом скользну за вами вслед
И загрущу о том, что слишком торопливы
Те гулкие шаги, спешащие на свет.

Остановить, догнать, коснуться —
Бесполезно.
Предостеречь, спасти, оставить у земли...
Но вы идете вдаль, сквозь облако, отвесно,
И я целую путь, которым вы прошли.

ДАРЬИН ДЕНЬ

(Поэма)

Д. С. Лапшиной

1

Добрый день, шахтерский городок,
Довоенный,
Мирного уклада.
Южный говор, зелень палисада,
Улиц нераспутанный клубок.

Угольная пыль над мостовой.
Дребезжанье старого трамвая.
Тротуар, простроченный травой,
По ночам светлеет, остывая.

Эхо чьих-то сбивчивых шагов,
Чей-то смех, в акациях звучащий.
Родниковость торопливых слов.
Чья-то нежность.
Чья-то вера в счастье.

Добрый день, шахтерские края!
Улица, ответь, ты не забыла:
Дашка, Даша, девочка моя,
Здесь когда-то часто проходила.

Вспомни!
Среди множества примет:
Две косы, коричневая челка.
Год сороковой.
Тринадцать лет.
Красный галстук. Белая футболка.

2

С детской ладони взлетевшая птица,
К белому облаку путь выбирай!

Страшно и сладко с бездонностью слиться:
Вольному — воля, спасенному — рай!

Точкой, стремящейся в небо отвесно,
Слепо, легко, одержимо — иди!
В горле горячем дыханию тесно,
Не умещается сердце в груди.

Не умещается в гулкости улиц,
В гомоне школы, в домашней тиши.
Не уменьшается — бьется, волнуясь:
Глубже, жадней, ненасытней дыши!

Небо и землю связав воедино,
Солнечный воздух губами лови!

...А под крылом у тебя Украина,
Словно предчувствие первой любви.

3

Мне теперь представить их едва ли:
Колеи разъезженных дорог
Торопили, уводили, звали
Тех, кто шел и кто идти не мог.
Беженцев
Сплошная вереница.
Ледяные долгие дожди.
Ни помедлить. Ни остановиться.
Ни взглянуть на тех, кто позади.

И теперь, далеко от жилища,
Падай в грязь, завидев самолет.
Слепни, проходя сквозь пепелища.
Погибай без крова и без пищи,
Поднимайся и иди вперед.

Сколько вас, войной лишенных крова,
Безымянных, сгинувших в пути?

От зрачков безмолвных и суровых
Не могу я взгляда отвести.

Что пред вами все мои тревоги?
Череда обыденных сует.
Как, скажи, ты выжила в дороге,
Девочка четырнадцати лет?

Не упасть и не остановиться...
Я слежу твоей дороги нить.
Говорят, войне недолго длиться...
Говорят, их так легко разбить...

4

Ты задержись надо мною, мгновенье,
Я и дыханьем тебя не спугну.
Падаю я пред тобой на колени,
Юность, прошедшая через войну.

Руки твои, обожженные ветром,
Губы, растрескавшиеся в кровь...
Но за твоим исцеляющим светом
Снова и снова ступает любовь.

Так ощутимо, спасительно, нежно
В нас оживает сквозь тысячи бед
Полузамерзшая птица надежды —
В тающем небе невидимый след.

И за одно ее прикосновенье,
За незаметное это тепло
Я принимаю, как благословенье,
Муки свои и свое ремесло.

5

Едва за окном рассвело,
Собака залаяла глухо.

Проснулось степное село.
Какое село?
Усть-Грязнуха!

Надрывно гудят трактора,
И ветер весенний неистов.
И, значит, девчонкам пора
В полях заменить трактористов.

Пятнадцатилетним, худым...
Фуфайки ветрами продуты.
По силам ли все это им —
От голода и до мазута?

И руки черней и черней.
Не гнутся распухшие пальцы.
(Ах, барышни канувших дней:
Вязание, вышивка, пяльцы!)

Напористый ветер в степи
Хлестал по девчоночьим лицам.
Но кто подсказал им: «Терпи!»?
Но кто им помог не сломиться?

Но кто их будил за окном,
Но кто баловал их мякиной,
Мешки с неотборным зерном,
Кряхтя, подавал им на спины?

С пудовыми — не побежать.
Босые зимою и летом.
А им ребятишек рожать —
Да кто тогда думал об этом?

А им бы картошки поесть,
А им бы отмыться — да с мылом.

А им бы на печку залезть
Да выспаться...
Печка остыла.

И дров не нарубишь в степи.
Терпи.
Ведь теперь уже скоро.
Немного осталось.
Терпи.
Судьбу не спасут разговоры...

6

Ах, как загадочно Дарья красива!
Дарья Семеновна, как понимать:
Вас ли под корень война не косила,
И не над вами ли плакала мать?

Эта рука — не она ль была грубая?
В пояс не вас ли сгибали мешки?
Статная, смуглая и белозубая,
Все бы вам хаханьки, все бы смешки...

Все у вас ловко, легко и сноровисто,
Окна горят — даже больно смотреть.
Гости ли в дом — угостить их не совестно:
Вся под рукою нехитрая снедь.

И синегла́зые, в баньке отмытые,
Дети ласкают щенка у крыльца.
Белые,
Словно сметаной облитые:
Сразу видать — уродились в отца.

Дети солдата.
Потомство Никитича.
Всю отшагал до последнего он:

На фотокарточке — группа зенитчиков,
Посередине — в фуражке — Семен!

Все как положено: есть и ранения.
Есть и медали. Да что ворошить!
Ставь-ка, хозяйка, на стол пополнение,
Выжили — будем до старости жить!

...Ах, как пугающе Дарья красива!
Что ни надела бы — все ей к лицу.
Все в ней: дородство, и нежность, и сила,
Чувство — да к чувству,
Словцо — да к словцу!

Да не она ли отвеку повенчана
С горем, с разлукой, с надеждой — спроси!
Дарья Семеновна,
Русская женщина,
Сколько сестер у тебя на Руси...

7

Никуда не деться от судьбы.
От забот себя не уберечь.
Вот она — царица всей избы,
Сложенная прадедами печь.

Сколько раз побелена она —
Для нее ли пожалеют мела?
Сколько песен слышала она,
Сколько в ней беды перегорело.

Сколько бабьих судеб извела:
Затемно, ступая легче пуха,
Шла к ней робко — девочка мала,
Отходила — дряхлая старуха.

Долгие столетья,
День за днем,
О своем бессмертье возвещая,
Печь гудела яростным огнем,
Женский лик багрово высвещая.

Встанешь с ночи. В инее порог.
Принесешь обмерзшие поленья,
И, пока раздуешь огонек,
Затекут холодные колени.

Кланяйся ей в пояс день-деньской —
Не садись, не отдыхай, не мешкай!
Разгорится — черной кочергой
Шевели коптящие полешки.

Горожане ахают: тепла!
Без нее не ощутить уюта!
А за печь-то плачено сполна
Всей судьбой и каждою минутой:

Плачено и бабьей красотой,
Плачено и бабьими слезами,
Плачено и песней золотой...
Бабы, бабы, а без песни той,
Что Россия вся и что мы сами?

8

Все мы отмечены песней с рожденья.
Ах, эта песня!
Глуши — не глуши,
Вдруг зазвучит она как откровенье
Из глубины потрясенной души.

То ненавязчиво, исподволь, тоненько,
Словно на ощупь настроенный лад,

Словно бы дождики по подоконнику
Жалобно, робко, пугливо стучат.

То отрешенно до самозабвения,
Жаром пройдет, нарастая, гудя —
Тронет весельем, дохнет удивлением,
В слезы ударится чуть погодя.

Годы, какою же метой вы мечены?
Все, что пропето — ушло. Не зови.
Сыздавна песню несет в себе женщина
Нежности, долготерпенья, любви.

9

О, села русские!
Дрожанье
Листа, щекочущего ствол.
Мы забываем, горожане,
Призывный голос наших сел.

Но вот однажды, на рассвете,
Я тихой улицей пройду.
Вдохну степной, полынный ветер,
Окликну дальнюю звезду.

И поплывет ко мне навстречу
Земля — безбрежна и добра.
И несмолкаемые речи
Начнут над нею трактора.

Их близким говором тревожно
Затем земля моя полна,
Чтоб были закрома Поволжья
Тесны для жаркого зерна.

Чтобы вот так же, на рассвете,
По тропам тем, где мы прошли,

Пропили однажды наши дети,
Вбирая теплоту земли.

Земли,
Почти забывшей войны,
Ведущей в небо колосок.
Мы тридцать лет живем спокойно.
А тридцать лет — немалый срок!

Немалый срок! В подлунном мире
Такие перемены сплошь!
И ты в двухкомнатной квартире
Теперь, Семеновна, живешь.

Меня встречаешь у порога,
Роняя не без хвастовства:
Мол, для двоих пространства много,
А дети учатся — Москва!

Большое, отражаясь в малом,
Для глаз становится видней.
И хлеб, который ты держала,
Стал символом судьбы твоей.

Твоим трудом — взошедший к сроку,
И убранный — твоим трудом,
Любви и щедрости дорогу
Он проложил в твой новый дом.

...За все,
За что платили болью,
За хлеб и соль,
За кровь и пот
Склоняюсь я перед тобою,
Мой честный, мой простой народ.

И где бы я ни находилась,
Дай мне, земля,
Свою звезду,
Свою — тебе — необходимость,
Причастность к общему труду.

Не может быть счастливей доли,
Чем слиться хоть на краткий миг
Своею болью — с общей болью,
Своей судьбой — с судьбой других.

Прими, земля, мою заботу,
Чтоб был и присно, и вовек
Моей строкой,
Моей работой
Окликнут каждый человек.

10

Дарья Семеновна, что тут печалиться,
Словно над вами сгущается тень?
А на ресницах слезинка качается:
— Жизнь-то прошла, как единственный день!

Дарья Семеновна, вам ли печалиться?
Вам ли гасить неостынувший взгляд?
Кто это выдумал, будто кончается,
К старости клонится жизнь в пятьдесят?

Или забыли присловие,
Якобы
Вам не пристало его продлевать:
«В сорок два года — баба-ягода.
В сорок пять — баба-ягода опять!»

Солнце в степи и высоко, и яростно.
После полудня особенный зной.

Разве простительно думать о старости
Вам — загорелой, веселой, земной?

Сколько приветов вам здесь уготовано
От мужиков, от детишек, от баб:
Здравствуй, Семеновна!
Как ты, Семеновна?
В избу, Семеновна, что ли, зашла б!

...Ах как загадочно Дарья красива!
Дарья Семеновна, как понимать:
Вас ли под корень война не косила,
И не над вами ли плакала мать?

С этой вот пыльной, степной, перепаханной,
С этой землей неразрывно срослось
Все, что сработано, все, что исплакано,
Все, что задумано, все, что сбылось.

Солнцем нагрета тропа за околицу,
Август ступает, по травам звеня.
Соком налитая, ягода клонится
В звонкой истоме прозрачного дня.

Сколько запомнила женских имен она,
Прячась от глаза в зеленую тень...
Здравствуй, Семеновна!
Как ты, Семеновна?
Добрым ли выдался
Нынешний день?..

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ ТАТЬЯНЫ КУЗОВЛЕВОЙ

Волга. Москва, «Молодая гвардия», 1964.

Россия, береза, роса. Москва, «Московский рабочий», 1965.

Силуэт. Москва, «Молодая гвардия», 1970.

Голос. Алма-Ата, «Жазушы», 1970.

Слог. Москва, «Молодая гвардия», 1973.

Степная птица. Алма-Ата, «Жазушы», 1977.

Две зари. Москва, «Советский писатель», 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Кузовлева Т. В.

К89 Тень яблони: Стихотворения и поэма. Предисл. Е. Винокурова. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 223 с. В пер. 1 руб. 50 000 экз.

Лирическая поэма «Дарьнн деиь», стихи о возвышающей и окрыляющей силе любви, об ответствеииости за эту любовь, рвздумья о жеиской судьбе, озареиной светом материнства и вечиым стремлением к чуду, о земиой теплоте и щедрости русской природы — все это составнло основу поэтического сбориика Татьяиы Кузовлевой.

К $\frac{70402-139}{078(02)-79}$ 185—79. 4700000000 Р2

ИБ № 1778

Татьяна Витальевна Кузовлева

ТЕНЬ ЯБЛОНИ

Редактор **Т. Чалова**
Художиик **А. Катин**
Художествеииый редактор **В. Халютни**
Техиический редактор **Т. Кулагниа**
Корректоры **Л. Четырнина, Е. Самолетова**

Сдаио в иабор 25.01.79. Подписаио в печать 21.05.79. А00132. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гврнитурв «Обыкиовениая иоввя». Печвть высокая. Условн. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 7,0. Тнраж 50 000 экз. Цена 1 руб. Заказ 29.

Типогрвфия ордена Трудового Красного Зиамеии издвтельства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии. 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

